

DARRANNE

18+

ПОЛТОРА
ГОДА ЖИЗНИ

Годы жизни

Anne Dar

Полтора года жизни

«Автор»

2017

Dar A.

Полтора года жизни / А. Dar — «Автор», 2017 — (Годы жизни)

Продолжение истории «Один год жизни». Глория забывает смысл слова «целеустремленность», которое прежде определяло её судьбу. Именно благодаря этому слову она однажды вырвалась из провинциального городка, именно благодаря ему она вернулась обратно, именно благодаря ему она познакомилась с Мартином и именно благодаря ему с ней произошло то, что произошло... Целей больше нет. Ни одной... Восстановление Глории проходит тяжело и со временем выясняется, что никакого восстановления вовсе нет. Время, проведенное с Мартином, кажется туманной дымкой прошлой жизни, все связи с которой решительно оборваны... Но оборваны только со стороны Глории.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Долой	6
Глава 2. Франция	8
Глава 3. Германия. Штутгарт	13
Глава 4. Германия. Эрфурт. Первый день	16
Глава 5. Германия. Эрфурт. Простуда	18
Глава 6. Прощание с Германией	22
Глава 7. Голландия	25
Глава 8. Дания. пляж	29
Глава 9. Дания. Сосед	32
Глава 10. Дания. Исповедь	37
Глава 11. Дания. Мир	44
Глава 12. Дания. Шторм	47
Глава 13. Переезд	52
Глава 14. Транзит	56
Глава 15. Австрия. Вена	59
Глава 16. Чехия. Прага	62
Глава 17. Польша. Вроцлав – Варшава	64
Глава 18. И что дальше?	68
Глава 19. Австралия. Встреча	70
Глава 20. Австралия. Откровенные разговоры	73
Глава 21. Австралия. Шок	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Anne Dar

Полтора года жизни

Пролог

– Значит, я должна пожелать Вам семь пунктов, которые обязательно должны сбыться. Как ловко я Вас провела? Теперь Ваша судьба в моих руках, – наигранно злорадно ухмыльнулась я. – Чувствую себя властительницей. Пожалуй, первые три пункта я пожелаю Вам с выгодой для себя... Гхм... *Итак, мистер Роланд Олдридж, я желаю Вам: здоровья – чем дольше Вы проживете, тем больше я заработаю; понимания, чтобы Вы понимали окружающих и окружающие понимали Вас – зная себя, уверена, что этот дар Вам сильно пригодится; и еще желаю Вам терпения – на всякий случай, если я вдруг начну косячить, – с этими словами я ловко завязала три миниатюрных узелка на его запястье. – Теперь перейдем конкретно к Вам и Вашим желаниям. Желаю Вам любви – чтобы вы познакомили Мартина с его невесткой до его совершеннолетия; преданности – чтобы не ходили с разбитым сердцем и не разбивали сердца другим; успеха – чтобы не исчерпали своё богатство; и... Чего Вам еще пожелать?*

– Пожелайте мне взаимности, – невозмутимо ответил Олдридж.

– Хорошо, последний узел будет узлом взаимности, – произнесла я и, завязав последний узел на его запястье, отстранилась. – Теперь у Вас либо всё будет хорошо, либо на Вас будет обыкновенная, красная нитка с моим именем, всякий раз глядя на которую Вы будете вспоминать о глупой няне, чьи заклинания не работают, – популярно объяснила сложившуюся ситуацию я, после чего, прикрывшись правой рукой, протяжно зевнула.

Глава 1. Долой

Меня контузило ударной волной боли, разлившейся по моему сознанию острыми осколками воспоминаний.

В день смерти Мартина домой из больницы меня кто-то привез, но кто именно и как я попала в машину, я до сих пор вспомнить не могу (скорее всего, это был Джордан). Мама думала, что я приехала за своим чемоданом, собранным накануне, поэтому вытащила его на порог, как вдруг мы встретились взглядами.

Первое время я просто не реагировала на внешний мир. Запершись в своей комнате и переодевшись в свою самую старую пижаму, я провела в кровати ровно пять дней. Я неподвижно лежала в позе эмбриона и рассматривала узоры на своей простыне, а когда моё тело начинало затекать – сползала на пол, чтобы сесть, облокотившись о раскладушку и, обняв колени, старалась как можно тише рыдать.

На похороны, состоявшиеся на следующий день, я не пошла, прокручивая в голове слова Мартина, которые он сказал мне незадолго перед своим уходом: "...Так что считай, что своим отсутствием на твоих похоронах я выражаю свою любовь...". Так в этот страшный день я выражала свою любовь к тому, кто разрешил мне её выразить подобным образом. Лежа в своей постели и представляя, как в данную секунду земля поглощает частичку моей души, по моим щекам немо струились потоки воды. Ко дню похорон я вся изревелась, отчего теперь плакать было невероятно больно. Я засыпала и просыпалась в сырой постели, тщетно пытаясь заткнуть источник сырости очередной тряпкой.

Первые двое суток я провела в абсолютном заточении, пока вода в графине, который мама передала мне в первый день, не закончилась. В последующие трое суток я выходила из своей темницы скорби всего четыре раза – чтобы сходить в туалет и параллельно взять яблоко, сэндвич или очередной графин с водой из рук караулящих меня родителей. Конечно, я должна была понять состояние отца и матери, денно и нощно обивающих порог моей спальни, но, почему-то, мне было на всё и на всех наплевать. Особенно на себя.

Я не отвечала на скромные стуки в дверь и на голоса, обращающиеся ко мне извне, предпочитая продолжать попытки вжаться в мелкий комок боли, для того чтобы закатиться под кровать, где больше никто бы и никогда не смог меня найти. На шестой день впервые в мою дверь раздался стук, не принадлежащий ни родителям, ни бабушке с дедушкой. Вслед за стуком послышался знакомый голос:

– Племяшка, открой... Слышишь?

Кажется, я слышала.

– Я здесь одна, кроме меня никого нет. Ты меня слышишь?

Кажется, я слышала.

– Если слышишь, подними мою любимую, свою пятую точку, подойди к двери ипусти меня.

Словно механически заведенная фигурка, я выполнила все действия, которые были мне продиктованы из-за двери. Я знала, что передо мной стоит Сэм. Знала это по голосу, по рыжим локонам, стекающим на знакомые округлые плечи... Но мне невыносимо тяжело было поднять свои заплаканные глаза хотя бы на дюйм выше того горизонта, который мои приоткрытые веки очертили себе, и посмотреть в лицо стоящему передо мной человеку. Саманта переступила через порог моей темницы, закрыла за собой дверь, наверняка затем, чтобы убедить меня в том, что не привела за собой хвост из наших многочисленных родственников, после чего крепко обняла моё онемевшее туловище. Она сделала это присущим ей резким движением, подтянув меня к себе за плечи, после чего отстранила моё качающееся тело, заставив сесть на край раскладушки.

– Что ты делаешь? – глухо поинтересовалась я, когда Сэм откатила от шкафа мой чемодан, с которым я собиралась поехать в Париж, и начала его разбирать.

– Двигаю тебя дальше.

– Дальше? Куда дальше? – бесцветным голосом спросила я, сама не понимая зачем, ведь мне было абсолютно безразлично.

– В жизнь.

Странно. Мне казалось, что дальше жизни нет. По крайней мере, я её не видела.

– У тебя есть сбережения? – заглянув мне в глаза, задала вопрос рыжеволосая, но я лишь спустя несколько секунд смогла уловить его смысловую нагрузку.

– С начала года я почти не потратила свои деньги...

– Замечательно. Я заключила на три месяца контракт с одним интернет-порталом. Суть сделки заключается в том, что я буду писать для них статьи об определенных городах с прилагающимися фотоотчетами, а они будут платить мне по сто пятьдесят долларов за одну мою статью. Одна неделя – одна статья. Главное в этом деле – это качество, а я его тебе гарантирую... Итого: шестьсот долларов в месяц. Не так уж и много для одного человека, которому предстоит колесить по миру, и тем более мало для двоих, поэтому хорошо, что у тебя есть сбережения...

Сэм заставила меня принять душ, после которого я, наконец, поняла, что она собирается увезти меня с собой. Я сидела на лестничной площадке наверху, в паре шагов от своей комнаты, и наблюдала за тем, как с моих мокрых волос срываются капли воды, летящие прямо на мою старую, бейсбольную футболку с номером тридцать семь. Затаив слабое дыхание, я прислушивалась к голосам, доносящимся снизу из столовой.

– Она не может просто так взять и уехать, – недовольно прошептала мама.

– Вы хотите, чтобы она продолжала торчать в своей комнатке? – спросил голос Сэм.

– Дорогая, боюсь, Саманта в чем-то права, – на выдохе произнес отец. – Но, Сэм, разве это не слишком радикальный метод?

– Не говори глупости, – отозвалась бабушка. – Чего в этом радикального? Сэм абсолютно права – Глория должна поехать с ней. Ничего ей торчать в этом городе. Я для того, собственно, Саманту и вызвала, чтобы она увезла девочку подальше отсюда. Я знаю, что это и ей, и нам поможет. Всё, тема закрыта. Если я сказала, что моя внучка уезжает, значит, она уезжает.

Я тихо встала со своего места и, подойдя к своей спальне, приоткрыла потертую дверь. Дорожная сумка была уже собрана. Я была согласна с бабушкой. Долой этот город... Долой меня из этого города.

Глава 2. Франция

С утра я впервые за прошедшие семь дней присоединилась к общему завтраку. Не смотря на то, что он был слишком ранним и двойняшки еще спали, родители и бабушка с дедом на нем присутствовали. В полном молчании проглотив мамин фирменный сэндвич, я переглянулась с Сэм, и мы молча встали из-за стола. Только на выходе из дома я остановилась, чтобы попрощаться с родными.

– Не забывай хорошо кушать, – обняв меня, умоляюще попросила мама, после чего взяла моё лицо в свои ладони. – И обязательно звони.

– А лучше отправляй нам фотографии. Хотя бы таким образом научишь маму пользоваться современными мессенджерами, – ухмыльнулся отец, после чего обнял меня и тихонько прошептал мне на ухо. – Только не теряйся...

– Сэм, заботься о ней, – слишком громко попросил дед, забывший с утра надеть свой слуховой аппарат.

– Да, пап, – также громко отозвалась Саманта, после чего я обняла дедушку.

– Дорогая, признаюсь тебе, что эта идея принадлежит мне, – прижав меня к себе, заговорчески проговорила бабушка. – Ты уж постарайся не возвращаться до тех пор, пока не захочешь вернуться. Пообещай бабушке.

– Обещаю.

Мы вышли из дома ровно в семь ноль пять и сели в уже ожидающее нас такси, после чего я натянула на глаза свою черную бейсболку, чтобы лишний раз не смотреть на улицы этого города.

* * *

Только в аэропорту я узнала, что пунктом нашего назначения является Орлеан. Естественно я была не в восторге от того, что мы летели именно во Францию, так как еще неделю назад я должна была отправиться в эту страну с другим составом, но у меня не было выбора – у Саманты была строгая карта с пунктами назначения, в которую я предпочла не вникать.

Я всё еще была оглушенной, поэтому совершенно не заметила полчасового пребывания в очереди на регистрацию рейса. Еще раз перепроверив паспорта, билеты и деньги, мы напрямую направились на посадку – наш рейс должен был отправиться уже через двадцать минут. Мой первый в жизни эконом-класс и сразу же везение в виде места у окна. Пока Сэм углублялась в просмотр “Агентов А.Н.К.Л.”, я замаскировалась наушниками и вдобавок притворилась спящей, натянув на глаза бейсболку, чтобы избежать возможных попыток напарницы наладить со мной диалог. В итоге я и вправду отключилась.

Орлеан оказался достаточно милостивым городком с мощеными улочками и достаточно дорогими номерами даже в двухзвездочных гостиницах. После того, как в трехзвездочном отеле цена за ночь составила тридцать долларов с человека, а в его побратиме не оказалось свободных мест, Сэм сделала шаг конем и спустя полчаса мы встретились с Амели – рослой, худощавой женщиной лет двадцати девяти – тридцати двух, волосы которой были выкрашены в черный цвет, немного режущий мои уставшие глаза. Саманта познакомилась с этой женщиной в прошлом году в Париже, когда помогла ей остановить карманного вора, который едва не стащил у бедняги сумочку с документами. Амели была коренной местной жительницей, в то время как её муж был родом из Люксембурга. Он переехал сюда вместе с братом около десяти лет назад и уже три года как являлся владельцем одного из местных хостелов. Нам повезло сразу четыре раза: во-первых – Сэм вспомнила о том, что у нее есть знакомая из этого

города, во-вторых – она всё-таки смогла найти в своей записной книжке её контактные данные, в-третьих – Амели оказалась женой владельца хостела и в-четвертых – у нее как раз был один свободный номер. Оказалось, что конец апреля и начало мая являются одними из самых туристических сезонов в Орлеане, так что найти дешевое место в этом городе в данное время года путешественникам всегда достаточно проблематично (с этого Сэм и начала свою первую статью).

Единственным свободным номером оказалась маленькая комнатка с двуспальной кроватью и небольшим шкафом. Амели предоставляла нам эти апартаменты в недельное пользование всего за пятьдесят долларов. Сначала я не поняла, чем именно мы обязаны подобной щедрости, но позже я узнала, что Сэм в своё время спасла не только паспорт женщины, но и её новые украшения на сумму в пять тысяч долларов.

* * *

Неделя для Орлеана – это слишком много. Мы осмотрели его с ног до головы за трое суток, оставшееся время тратя на повтор изученного. В последний день, когда Сэм принялась за написание обзорной статьи города, параллельно клекая фотоотчет из двух сотен фотографий, многие из которых были весьма искусно сделаны моей персоной, я, в который раз, отправилась в собор Сент-Круа, готический стиль которого завораживал своей мощью. Пробыв внутри этого величия до поздней ночи, с головой погрузившись в наблюдение за потоками туристов и изучение витражей, я вдруг вспомнила о том, что должна была вернуться к Саманте еще три часа назад, после чего поспешила в хостел, по пути купив дешевых булочек к ужину. Естественно Саманта попыталась выдавить из себя волнение по поводу моего длительного отсутствия, однако было кристально ясно, что она волновалась лишь за то, как именно читательская аудитория примет её статью.

* * *

Следующим пунктом назначения стал Дижон, в котором мы столкнулись со всеми прелестями дешевого туризма: трехсуточная ночевка в номере на десятерых, неоправданно завышенные цены в местных кафетериях (пришлось питаться фастфудом) и потоки китайцев с селфи-палками, одной из которых мне случайно зарядили по голове. Уже здесь я поняла, что мы не те туристы, которые могут позволить себе поход в музей за пятнадцать долларов и выше – мы те туристы, которые обожают бесплатно подслушивать экскурсии и любоваться архитектурными ценностями города.

Первая статья Сэм была воспринята публикой весьма положительно, поэтому вторую она написала на крыльях вдохновения, после чего никак не могла выбрать одну из полусотни фотографий собора Святого Венигна. Я же в это время лежала на втором этаже кровати и смотрела в потолок, чтобы не смотреть на далеко не привлекательное тело турка, разгуливающего по комнате в одних трусах. Из-за неоправданно дорогих расценок, мы решили покинуть этот город прежде, чем успели бы обанкротиться, поэтому уже к концу четвертого дня мы оказались на улицах Страсбурга, по пути заехав в Монбельяр, Бельфор и Кольмар, чтобы написать общую статью о трех мелких городишках.

За следующие три дня Сэм состряпала две статьи под названиями “Провинциальные города – лучшее, что может случиться с бюджетным туристом” и “Крытые мосты & самое дешевое пиво Страсбурга”. Конечно, самое дешевое пиво – это громко сказано, но сам факт того, что рыжебородый француз немецкого происхождения угостил нас далеко не самым вкусным пивом в моей практике, был приятен. Оказалось, что этот мужчина решил в течение недели

угощать всех рыжих девушек, которые посетят его пивоварню, а так как в этом путешествии я была спутницей поцелованной солнцем Сэм, мне повезло попасть под бесплатную раздачу.

* * *

– То есть Вы – свободные путешественницы? – улыбнулся щербатыми зубами неприятный тип, без разрешения пересевший к нам с соседнего столика. К этому времени я уже успела убедиться в том, что знаменитый страсбургский пирог на самом деле является паштетом.

– Нет, – не скрывая своего далеко не дружелюбного настроения, отозвалась Саманта.

– Чего ты врешь? Я ведь недалеко сидел и всё слышал, – ухмыльнулся слегка подвыпивший мужчина, нагло перешедший на “ты”.

– Мой муж не будет доволен, увидев за одним столиком со своей новоиспеченной супругой подвыпившего повесу, – убедительно симпровизировала рыжеволосая.

– Почему ты всё время врешь? Нет у тебя никакого мужа. Вы здесь битый час уже сидите...

– Гарольд, дорогой! – неожиданно и очень громко прокричала Сэм в сторону шумной мужской компании, только что ввалившейся в кафе-бар, в котором мы уже “битый час” зависали. На зов Саманты сразу же обратил внимание высокий блондин, после чего непрошенный собеседник стушевался и начал ретироваться за свой столик.

– Вставай и иди за мной, – прошипела сквозь зубы Сэм, забирая со стола сдачу. – Гарольд!

Мы встали и направились в сторону шумной компании, под пристальным взглядом трех пьяных мужчин, один из которых еще несколько секунд назад навязчиво к нам приставал. Неожиданно Сэм подошла к обратившему на нас внимание парню, схватила его за галстук и, под восторженные возгласы его друзей, вытащила довольно улыбающегося блондина на улицу (это было не сложно, так как он стоял в шаге от выхода). Оказавшись снаружи, Сэм сделала быстрый реверанс в сторону “Гарольда”, после чего поспешно бросила парню громкое “спасибо”, и, взяв меня за руку, быстрым шагом отправилась по узкой улочке, вымощенной старинной брусчаткой. Наконец опомнившись от произошедшего, парень весело прокричал нам в спины: “Tous mes rêves se réalisent!”.

– Ва-а-ау, – выдала я в сторону Сэм.

– Есть еще порох в пороховницах, – сразу же засмеялась рыжеволосая.

– Что он сказал? – улыбнулась я.

– Не уверена, но вроде что-то типа: “Все мои мечты становятся реальностью”.

Интересно, это круто, когда все твои мечты становятся реальностью? К концу вечера я пришла к выводу, что это далеко не круто. В своё время одно моё желание сбылось – я получила хорошо оплачиваемую работу и смогла обеспечить свою семью, временно оказавшуюся в затруднительном финансовом положении, но ничем хорошим это не закончилось.

* * *

Несмотря на неприятный инцидент в забегаловке, мы прогуляли по ночному Страсбургу до часа ночи, пока слипающиеся глаза и ноющие ноги не привели нас обратно в хостел. Хотя здесь и были предусмотрены отдельные номера для мужчин, и женщин, однако это совершенно не гарантировало приятный контингент соседей. На сей раз ими оказались англичанки лет двадцати пяти, напрочь лишенные чувства такта. Когда мы пришли, они уже вовсю плевались нецензурной бранью друг в друга и не собирались останавливаться лишь потому, что мы хотели спать. В итоге нам пришлось настаивать на спокойствии, прибегая к угрозам обратиться к администратору. Спустя пять минут они всё же выкатились в коридор, чтобы продолжить разборку, суть которой заключалась в пропавших ста долларах. В подобных ситуациях поне-

воле начинаешь беспокоиться о своих сбережениях, поэтому я решила, не раздеваясь лечь под пыльный плед, в обнимку со своим рюкзаком. В это сложно поверить, но склока продолжалась еще три часа, пока Сэм не психанула и действительно не сходила на ресепшн. В итоге администратор выселил этих фурий, но скорее не за нарушение порядка, а за то, что они, приняв его за обыкновенного туриста, обложили беднягу трехслойным матом. Еще минут десять Сэм на эмоциях рассказывала мне о том, как сожалеет, что не прекратила это безобразие раньше. Я же, стаскивая с себя штаны, сдержанно с ней соглашалась, параллельно стараясь не заснуть на ходу. Под утро, когда в соседней комнате на максимальную громкость включился слащавый французский рэп, Сэм разъяренно вскочила с кровати и выбежала в коридор, после чего послышался резкий хлопок и всё стихло. Испугавшись, я резко села на кровати, как вдруг Сэм вернулась в комнату.

– Вставила диск в задницу, – многозначительно приподняла бровь Саманта и я поняла, что её слова недалеки от правды.

Около получаса я просто лежала на своём втором этаже, прислушиваясь к спутанному выстукиванию пальцев Саманты по старой клавиатуре её нетбука. Так и не сумев снова заснуть, я спустилась вниз, приняла душ и посмотрела на часы.

– Только половина седьмого, – выдохнула я, осознав, что в сумме проспала не больше трех часов.

– Отличное время для того, чтобы свалить отсюда, – констатировала Сэм.

Уже через час мы стояли напротив зачуханного здания с отбитой бежевой штукатуркой. Я даже заранее успела разочароваться, но, к моему великому удивлению, внутри хостел оказался лучше предыдущего, хотя и пришлось переплатить за одного человека на пять долларов больше. Наскоро позавтракав синнабоном¹ с крепким черным чаем, мы легли по своим койко-местам и отключились на три часа. С самого начала мы определились, что Сэм спит на первом этаже, в то время как я занимаю второй, что мне очень даже нравилось, так как благодаря этому я могла себе позволить хоть какое-то подобие уединения.

На фоне специфических событий прошедших суток, я вдруг поняла, что не испытываю сильных эмоций: я не боялась щербатого парня из забегаловки и его пьяной компании; мне не хотелось заткнуть громким словом сварливых девиц, мешавших мне выспаться; мой организм не реагировал резкими телодвижениями на звуки французского рэпа... Я чувствовала себя оглушенной. словно по моей голове врезали мешком с мукой, который, от невероятной силы удара, разорвался и засыпал своим содержимым мои перепонки. Зато, потеряв навык вслушиваться в мир вокруг себя, я обрела навык всматриваться в него.

* * *

Я проснулась ровно в одиннадцать, от женского смеха под своей кроватью. Перегнувшись через перила, я увидела рыжеволосую, в компании какой-то женщины лет тридцати пяти, которая явно отличалась живой натурой и любовью к бурлящим диалогам. Подобное обычно редко встретишь, так как бурлящим диалогам женщины зачастую предпочитают самоотверженные монологи в собственном исполнении. Моника оказалась дважды разведенной стюардессой, приехавшей в Страсбург на пятнадцатый день рождения сына, с которым, не смотря на скверные отношения с первым мужем, она отлично ладила.

Так как наш план по статьям для интернет-ресурса был перевыполнен, а по соборам и знаменитым крытым мостам нам больше не хотелось бродить, мы решили, в компании новой

¹ Всемирно известная сеть фастфуд кафе-пекарен, где основным блюдом являются булочки с корицей, сливочным сыром и кексы.

подруги, отправиться на причал речных трамвайчиков. Воспользовавшись Бато-Муш², мы выполнили часовую прогулку по Иль³, повторно увидев уже знакомые достопримечательности с другого ракурса. Позже Моника познакомила нас со своим знакомым местным булочником, который благородно угостил нас профитроли⁴, и заставила раскошелиться на посещение музея шоколада, который не произвел на меня сильного впечатления, как на моих спутниц.

– Такая молодая и такая... – начала Моника, глядя на меня оценивающим взглядом голубых глаз, но вдруг замолчала.

– Какая? – поинтересовалась я, вытирая черным хлебом остатки кетчупа с пластмассовой тарелки. После того, как Моника и Сэм вслух спели мне неизвестный куплет неизвестной мне песни, мы оказались на просторной, мощеной улице, за круглым, барным столом, и сейчас доедали дешевые хот-доги. Вокруг нас горело множество фонарей, мерцали гирлянды и откуда-то издали доносились звуки заводных уличных танцев.

– Придавленная, – наконец тяжело выдохнула Моника.

В точку. Я чувствовала себя “придавленной”, если не раздавленной напрочь.

– Такой чудесный вечер! – подняв руки над головой, внезапно воскликнула кудрявая блондинка, явно желая замять тему моей “придавленности”. – Не хотите танцевать?

Уже спустя пять минут мы нашли источник музыки – танцплощадка под открытым небом располагалась на соседней улице. Выпив что-то алкогольное, я, вместе с Сэм и Моникой, выпрыгивала какие-то нереальные местные танцы, держась руками за лямки висящего у меня на плечах рюкзака. Спустя пятнадцать минут, опрокинув в себя дополнительную порцию неизвестного мне, сильно алкогольного напитка, которым угостил меня мой новый знакомый, имя которого я никак не могла выговорить, танцы стали еще более жаркими. Мы прыгали под звездным небом, кричали какие-то французские слова, глупо хихикали и подпевали неизвестному мотиву. Тот факт, что я не хотела быть “придавленной”, не делал меня целее. Боль... Боль... Боль... В середине бурлящего танца я вдруг остановилась, из-за чего мой случайный знакомый врезался мне в левый бок. Замерев на месте, я совершенно не обращала внимания на пьяноватого мужчину, который на ломаном английском пытался узнать, что со мной произошло. Просто я не могла ему рассказать, что со мной произошло. Никому не могла.

Спустя несколько секунд прямо передо мной возникло лицо Сэм, и мой опустошенный взгляд непроизвольно пересекся с её огромными, голубыми глазами. Взяв меня за руку, Саманта вывела моё тело из бурлящей толпы, и мы вернулись в хостел.

² Миниатюрный пароход.

³ Река, приток Рейна.

⁴ Профитроли – небольшие кулинарные изделия французской кухни из заварного теста с различными начинками.

Глава 3. Германия. Штутгарт

В Штутгарте мы оказались спустя неделю. За это время Страсбург настолько нам приелся, что когда мы покинули его, мне захотелось запостить в твиттер слова “Наконец-то свершилось”, но у меня не было аккаунта в твиттере. За всё то время, что мы провели во Франции, я всего трижды позвонила домой, но так и не смогла поговорить с родными дольше, чем по пять минут за раз.

– Думаешь, это плохо? То, что потерю Мартина я переживаю острее, чем потерю Дэниела и Линды? – бесцветным голосом спросила я у Саманты.

– Ты преувеличиваешь. Не вини себя за то, что тебе не подвластно. Ты очень переживала из-за смерти Дэниела и Линды. Я это помню, просто ты забыла... Прошло уже почти семь лет – *время точит видение нашей изначальной боли и притупляет её остатки в настоящем*. Также будет и с твоей нынешней болью... Не забывай, что потерю Дэниела и Линды пережила не ты – пережила вся наша семья. Потерю же Мартина ты переживаешь в абсолютном одиночестве. Это сложнее... Тем более он был маленьким мальчиком, умершим у тебя на руках... Гхм... Не вини себя в том, что в одиночку переживать боль сложнее, чем если разделить её с кем-то, но и не забывай о том, что у тебя есть группа поддержки.

Первое время, из-за чувства отупевшего горя, я не ощущала зияющую дыру где-то в глубине своей порванной души, но уже спустя месяц я почувствовала всю её мощь. Раньше я не чувствовала её лишь потому, что она была больше размеров моего естества, сейчас же её пульс начал ощущаться оттого, что она сжалась до размеров шаровой молнии и вдруг принялась разрывать мои легкие изнутри. Возможно ли это назвать притуплением горя? Навряд ли. Но то, что это было результатом обработки моей души временем, я не подвергала сомнению.

В Штутгарте мы провели две недели и решились уехать из него лишь потому, что три дня подряд лил сильный дождь, а синоптики, на ближайшие дни, ничего хорошего не предвещали. Этот город показался мне более интересным, нежели его предшественники, однако он был и более дорогим. Почти вся суточная часть финансов сразу же уходила на проживание в хостеле, расположенном на окраине города, поэтому перед переездом в Эрфурт Сэм решила заранее воспользоваться прелестями каучсерфинга⁵. На мой вопрос, почему она раньше не вспомнила о столь полезной штуке, я получила достаточно внятный ответ в виде: “Не знаю. Тупанула”.

– Да-а-а... Тухленько как-то, – протянула Саманта, отставив ноутбук в сторону.

– Что там? – спросила я, переводя на нее взгляд с потоков воды, стекающих по широкому окну.

– Вот, иди сама посмотри... Бабушка-одуванчик предоставляет зачуханную комнатку с тараканами, в обмен на помощь с трехразовой прогулкой её пяти собак. Еще есть какой-то извращенец, который согласен предоставить комнату в обмен на интимный рассказ. Интересно, чего сверхъестественного он хочет услышать? Есть, конечно, неплохой вариант с семейной парой, но они живут в двадцати двух километрах от Эрфурта.

Я села на кровать, отдав своё место у окна Саманте. Мельком просмотрев все три варианта, я поняла, что бабушка с зачуханной комнаткой и пятью собаками – лучшее, что у нас есть.

– Как-то не густо, – пробурчала я себе под нос, когда Сэм потянулась за своим полотенцем, после чего я повторно обновила страницу. – Подожди, а как тебе вот этот вариант?

– Что там? – нагнувшись ко мне, посмотрела в монитор рыжеволосая. – Это объявление совершенно новое – добавлено минуту назад, видишь? Тайлер Купер, двадцать четыре года, место рождения... Парень наш земляк – он родился в соседнем городке, в котором жила Джудит Фейн, более известная нам как лжебабушка двойняшек. Это уже интересно, – при-

⁵ Одна из крупнейших гостевых сетей, существующая в виде онлайн-сервиса

щурившись, ухмыльнулась Сэм. – И как только его в Эрфурт занесло? Так-так-так... Сдаст комнату кому-нибудь из Британии. Мы ведь британки, верно? Погоди-ка... Его месторасположение рядом с Петербург. Восторг! Парнишка сдает комнату в центре города в обмен на банальное общение. Пару часов общения мы ведь сможем ему организовать, не так ли? Ладно, я в душ, а ты отпиши ему, узнай, что и как...

*“Добрый день. Меня зовут Глория Пейдж, мне двадцать три года и я ищу крышу над головой на одну-две недели (для себя и своей сестры). Так получилось, что мы не только британки – мы еще и Ваши земляки. Я родилась и выросла в *** – это сосед города, в котором родились Вы. Думаю, пару часов в сутки для общения с Вами у нас точно найдется.*

Отпишитесь, если заинтересованы.

С уважением, Г. П.”

Отправив наскоро набросанное сообщение и проверив прогноз погоды на вечер, я уже хотела закрывать ноутбук, как вдруг раздался пронзительный клик – знак того, что мне ответили.

“Добрый день. Очень здорово, что на мой запрос откликнулись лишь спустя пять минут после того, как я его подал))) Даже не ожидал, если честно. Круто, что вы являетесь моими земляками – нам точно будет о чем поболтать. Только для начала было бы неплохо получить Ваше фото или фото Вашей сестры.”

– Сэ-э-эм... Он откликнулся, – прокричала я, но не получила ответа, из-за чего мне пришлось подойти вплотную к двери душевой. – Сэм, слышишь? Он ответил.

– Кто? – перекрикивая воду, поинтересовалась рыжая, внезапно растерявшая всю свою хваленую догадливость.

– Тайлер Купер.

– И что говорит?

– Просит фото. Почему у тебя в аккаунте нет ни одной?

– Блин... Я не помню, где именно лежит папка с моими фотками.

– Я возьму с фотоаппарата?

– Поздно – я уже всё удалила.

– Ну тогда я сейчас тебя сфотокаю.

– Боюсь, что парнишка откинется от вида моего обнаженного тела. Я выйду только через минут пятнадцать, так что сфотокай-ка лучше себя.

Раньше я бы передразнила свою тётку или запротестовала бы ей в ответ, но сейчас мне было абсолютно всё равно. Я готова была следовать любой её инструкции, чтобы хоть как-то изображать попытку “жить дальше”.

Встав напротив окна и переложив волосы на левый бок, я вытянула руку, чтобы сделать селфи. Щелчок – сделано, еще щелчок и отправлено. Я даже не пыталась перепроверить качество фотографии или привлекательность лица на ней. Плохо. Нужно было бы перепроверить. Так делают все девушки, которые по-настоящему живут, а не притворяются...

Отправив фото, я решила посмотреть аккаунт собеседника. Всего три фотографии, на которых черноволосый парень, подстриженный под полубокс, позирует с гантелей, на велосипеде и с огромным далматинцем.

– Круто. Очень красивая (только не растолкуй мои слова превратно).

Когда ждать вас с сестрой на заселение?”

– Сэ-э-эм... Когда мы поедем в Эрфурт?! – прокричала свой вопрос я и, не получив ответа, безразлично написала:

- *Завтра?*
- *Ок. В какой половине дня?*
- *Еще не знаю.*
- *Собственно не имеет значения – завтра я весь день буду дома. Лови адрес – ***.*
- *Хорошо, спасибо.*
- *До встречи.*
- *До встречи.*

Глава 4. Германия. Эрфурт. Первый день

Над всей Германией завис огромный циклон, так что смена города нам ничем не помогла. Вот смена страны могла бы поправить это беспросветное уныние, только нам еще было рано менять страну.

Таксист, совершенно не понимающий по-английски, случайно высадил нас напротив дома под номером один, а не одиннадцать, и в итоге мы промокли до нитки, пока добежали до нужного дома. Когда Тайлер Купер открыл нам дверь своей квартиры, которая располагалась на первом этаже, я даже не посмотрела на него, будучи занятой выжиманием края своей куртки, с которой стекал поток холодной воды. Парень спустился по короткой лестнице, чтобы помочь нам поднять наши сумки, но и тогда я не обратила на него никакого внимания, пытаясь вытереть лицо от потоков воды, стекающих по капюшону моей насквозь промокнутой ветровки.

Поднявшись по лестнице, мы зашли в квартиру и я сразу же начала стаскивать с себя куртку, и чавкающие от сырости кроссовки, совершенно обделяя вниманием хозяина, который унес наши сумки в неизвестном направлении. Уже ожидая его в коридоре, мы начали разбирать промокшие волосы, смотрясь в зеркало шкафа, в тщетной попытке придать им хоть какой-нибудь объем.

– Итак, давайте знакомиться, – предложил внезапно возникший перед нами парень. – Я Тайлер Купер. Можно просто Тай.

– Я Саманта. Можно просто Сэм, – бодро отозвалась Сэм, пожав руку нового знакомого.

– Глория, – сдержанно ответила я, всё же стараясь изобразить “нормальную человеческую приветливость”, после чего отметила, что рука Тайлера буквально вскипает от тепла.

– Что ж, пойдёмте, я покажу вам ваши комнаты.

– Комнаты?! – радостно удивилась Сэм.

– Да, я подавал заявку на одного человека, но Глория сказала, что вас будет двое и я решил, что одна из вас может спать в спальне моего младшего брата.

– А твой брат не будет против?

– Родители три дня назад переехали.

– Переехали? – ухмыльнулась Сэм. – Что-то непохоже.

– Ты про вещи? Просто они переехали в Варшаву, а так как у отчима неплохо идут дела, он может себе позволить обзавестись новой мебелью на месте. Я еще не определился с местом жительства, так что решил пока остаться за охранника. Через пару месяцев думаю выставить квартиру на продажу и тоже куда-нибудь сваливать.

Мы осмотрели все комнаты – мебели и вправду было слишком много, как для квартиры, из которой выехали: в гостиной стоял кожаный мягкий уголок, стеклянный стол и деревянная стена с телевизором; на маленькой кухне была вся крупная и мелкая бытовая техника, небольшой квадратный столик и тройка стульев; в ванной, отделанной темно-шоколадной плиткой, стояла новая стиральная машинка. Только небольшая столовая полностью пустовала, если не считать серого ковра под ногами и глиняной вазы в дальнем углу. В комнате, предназначенной для меня, стояла новая полутораспальная кровать, неплохой двухстворчатый шкаф и маленький журнальный столик. В комнате же Сэм находился небольшой диванчик и огромный комод с зеркалом. Спальня Тайлера располагалась в другом конце квартиры и в ней не было ничего, кроме двуспальной кровати, шкафа и маникюрного туалетного столика, который, по-видимому, принадлежал предыдущей хозяйке комнаты.

Пока Сэм принимала душ, я раскладывала свои вещи в шкаф, так как, по словам рыжеволосой, мы планировали задержаться здесь минимум на две недели. Два десятка моих носков и обе пижамы отсырели от лежания на самом верху моей дорожной сумки. Пришлось минут

десять всё это дело аккуратно развешивать по плечикам в шкафу. Когда же я покончила с расфасовыванием сырости по углам, Сэм как раз зашла в мою комнату.

Наконец приняв горячий душ, я запрыгнула в мешковатые черные штаны и, надев хлопковую майку, застегнулась в черной толстовке. Всю эту черноту сглаживали только салатовые носки, которые я одолжила у рыжей, по причине сырости всех своих. Так как наш фен перегорел еще в Штутгарте, а Тайлер, как выяснилось, не страдал любовью к подобным вещам, мне пришлось тщательно протирать волосы влажным полотенцем, что почти не помогло. В итоге я сидела на кухне с сырыми волосами, с которых скатывались серебристые капельки воды, и пыталась не думать о том, как же всё-таки в этой квартире холодно. Сидящая слева от меня Сэм, что-то весело обсуждала с нашим новым знакомым, расположившимся за столом напротив нее. Я же предпочла отодвинуть свой стул на шаг от стола, чтобы иметь возможность в любой момент отстраниться от происходящего. Вцепившись руками в горячую чашку молока с корицей, я тщетно пыталась согреться, битых пять минут смотря на кончик своего большого пальца на правой ноге, облаченного в салатовый носок, и совершенно не о чем не думая.

– Эй, – вдруг дотронулась до моего плеча Сэм. – Правда?

– Да, – выйдя из транса, тут же отозвалась я, неубедительно пытаюсь поддержать диалог, но, по-видимому, ответила что-то невпопад.

– С тобой всё в порядке? – приподняв правую бровь, поинтересовалась Саманта.

– Да.

– Снова “да”. Сначала ты дала положительный ответ на то, что с тобой что-то не так, потом ответила, что с тобой всё в порядке...

– Нет. В смысле да, со мной всё в порядке. Просто задумалась. И устала. Можно я пойду спать?

– Но еще только восемь часов.

– Эмм... Я устала, – повторившись, попыталась оправдаться я, после чего залпом выпила оставшееся молоко. – Можно?

– Да, конечно, – растерянно отозвался Тайлер, после чего я поставила свою чашку на раковину и отправилась в спальню.

Так как наши пижамы отсырели, мне пришлось одевать обычную футболку и молниеносно запрыгивать под одеяло, желая побыстрее согреться. За окном гремел ливень, не оставляя надежды на тихую ночь. Чтобы унять дрожь, я скрутилась в калачик и начала рассматривать узор пододеяльника, как прежде делала это дома. Я забыла задернуть шторы, поэтому комната сейчас была освещена густой пеленой серости, через которую я могла наблюдать за такими мелочами, как узоры на пододеяльнике, или рассматривать свои отросшие ногти... Спустя какое-то время я вдруг неожиданно поняла, что плачу. С тех пор, как мы уехали из Англии, я ни разу не заплакала, поэтому сейчас для меня мои слезы были какими-то предательскими. Зарывшись под одеяло с головой, словно желая спрятаться от самой себя, я постепенно заснула.

Глава 5. Германия. Эрфурт. Простуда

Проснувшись в девять утра, я удивилась тому, что умудрилась проспять беспробудным сном почти тринадцать часов. За окном до сих пор, или снова, лил дождь и в комнате всё еще было невыносимо холодно. Надев на себя желтые носки, которые этой зимой связала для меня бабушка, сделав дубликаты для Роланда и Мартина, я вдруг почувствовала себя частью сломанной мозаики, поэтому, недолго думая, стащила с себя тяжелый комок воспоминаний. Решив остаться в той же одежде, в которой была вчера, я вышла из своей комнаты в соседнюю и обнаружила свою тетку еще спящей.

– Сэм, ты что, еще спишь? – удивилась я, сев на корточки напротив Саманты. Обычно в такое время мы уже давно были на ногах.

– Я вчера до трех часов ночи рассказывала Тайлеру о прелестях запеканки твоей матери и магнитных вспышках на солнце, а так как за окном всё еще не распогодилось и нам некуда идти – я просплю еще минимум три часа...

– Ладно, – только и смогла выдать я, после чего отправилась на кухню, стараясь передвигаться как можно более тихо. Я еще никогда не оставалась одна посреди чужой кухни (кухня в домике Мартина не в счет), отчего даже ревущий желудок не позволял мне пошарить по чужому холодильнику. Встав напротив окна, я начала наблюдать за тем, как капли дождя стекают по бархатным листам сирени, прислонившейся к стеклу. Не знаю, как долго я так простояла.

– Доброе утро, – послышался приглушенный голос за моей спиной, от которого по моему телу пробежала морось.

– Доброе утро, – обернувшись, отозвалась я. Тайлер стоял в дверном проеме и сонно подтягивался. – Я думала, что Вы еще проспите минимум три часа.

– Только не обращай ко мне на Вы – это сильно режет слух, с учетом того, что я всего на полгода старше тебя.

– Разве?

– Да. Мы это вчера с твоей сестрой выяснили. Так почему я, по твоей логике, должен был спать сегодня до обеда? – поинтересовался парень, подойдя к холодильнику.

– Ты вчера проговорил с Сэм допоздна, и она изъявила желание проспять сегодня еще минимум три часа.

– Просто твоя сестра отличная собеседница и крупная соня. Позавтракаем?

Я не отказалась ни от трех закрытых бутербродов из хрустящих булочек, ни от пяти чашек чая, ни от шоколадного маффина. Мой аппетит буквально прорвало, так как за прошедшие пару суток я почти ничего не съела.

– Значит, ты часто переезжал? – без особого энтузиазма поддерживала диалог я, лишь потому, что передо мной сидел неплохой парень, совершенно бесплатно предоставляющий нам свою квартиру и пищу, а не потому, что мне действительно хотелось разговаривать. И потом, тот факт, что в основном мне приходилось молча слушать, меня вполне устраивал.

Только сейчас я по-настоящему обратила своё внимание на нового знакомого и не потому, что он сидел напротив меня, а потому, что было попросту неприлично не изучить внешность того, с кем собираешься прожить под одной крышей ближайшие полмесяца. Он был на полтора дюйма выше меня, обладал точеными чертами лица и глубокими черными глазами, от которых даже мурашки по коже пробегали (ну или они пробегали из-за прохлады в комнате). У Тайлера были красиво очерченные губы с приподнятыми уголками, а нос был образцовых римских пропорций. По его накаченным мышцам было件нятно, что он является преданным приверженцем спорта, однако он был далеко не крупного, скорее даже мелковатого телосло-

жения. Можно было утверждать, что у этого парня была весьма запоминающаяся внешность, однако до эталона мужской красоты ему было далековато – по крайней мере, по моим меркам.

За следующие полчаса я узнала, что Тайлер до десяти лет жил в соседнем от моего городе, но потом его родители разошлись, и ему пришлось сменить не только город, но и страну. Его отец восемь лет назад переехал в мой город, а его мать, сразу после развода, переехала в Эрфурт, где и познакомилась с его нынешним отчимом, от которого позже родила второго сына. Сейчас младшему брату Тайлера двенадцать лет и он пытается обосноваться в одной из лучших Варшавских гимназий, пока их родители занимаются продвижением семейного бизнеса (продают сантехнику и, судя по всему, весьма неплохо на этом зарабатывают). Со своим биологическим отцом Тайлер созванивается один раз в год на Рождество и больше с ним связей не поддерживает, хотя тот был бы и не против. Кажется, парень не желал близкого общения с отцом из-за затаенной на него, неведомой мне, детской обиды.

Следующие десять минут я самоотверженно пыталась вспомнить владельца имени Фред Купер и уже была убеждена в том, что определенно не знаю отца Тайлера, пока парень не обмолвился, что его отец занимает должность местного шерифа. В моё сознание резко ворвался образ пожилого, черноволосого мужчины, с пышными усами под носом и легкой хромотой на левую ногу.

Следующие пять минут я конвульсивно выдавала звуки, которые должны были рассказать обо мне, но скорее просто напрочь убивали мой образ:

– Эммм... Я всю жизнь прожила в своём городке... Хотя нет, я еще жила в Лондоне. Хотела стать терапевтом, отучилась почти четыре года, но... Тогда не сложилось, а теперь не хочу... Решила путешествовать со своей... Сестрой.

Это всё, что я смогла выдать о себе, параллельно умудрившись не задеть какую-нибудь дрожащую нить боли в моем нутре. Я определенно выглядела глупо, но мне было наплевать. В последнее время, мне было наплевать не только на то, что именно окружающие хотят от меня услышать, но и на то, что они обо мне могут подумать.

Я и вправду не хотела восстанавливаться в университете, чтобы в итоге стать квалифицированным терапевтом. Обычно, после подобной жизненной катастрофы, которая произошла со мной чуть больше месяца назад, люди наоборот рвутся стать каким-нибудь врачом, чтобы помогать беднягам, попавшим в похожую ситуацию... Я же напротив теперь хотела отстраниться от всего, что хоть как-то могло быть связано с местом, где людей зачастую оставляют наедине со своей болью. Никаких больниц, поликлиник, терапевтов... Кем быть дальше? На данном этапе своей жизни, для меня просто быть – это уже достижение.

* * *

Телевизор транслировал сплошные немецкоговорящие каналы, что сильно резало слух, поэтому мы перешли на игру в нарды. Пока я кидала кости, Тайлер что-то рассказывал об Эрфурте, о своем законченном обучении в Берлине и неутешительном прогнозе погоды. Парень был явно из любящих поговорить, а я была из тех, кто предпочитает слушать (карты сошлись), но спустя два часа беспроблемного монолога обеим сторонам стало скучно. Ситуацию, как обычно, спасла Сэм. Втроем мы сыграли в “Пандемию”, “Билет на поезд” и пару раз в “Джин-Рамми”, после чего я отстранилась, предпочтя наблюдать за игрой, а не участвовать в ней. Сэм с легкостью обыгрывала нас, поэтому я решила вовремя сдаться, когда Тайлер напротив вошел в азарт и трижды сыграл с рыжеволосой в “Цитадели”, пока, наконец, не обыграл соперницу. В середине третьей партии я обнаружила повесившуюся мышь в холодильнике и, пошарив по онлайн-карте города, обнаружила, что рядом с нами расположился супермаркет “REWE”. Решив не дожидаться окончания партии, которое должно было состояться минимум через полчаса, я тихо собралась (благо кроссовки, и куртка к этому времени уже успели высох-

нуть) и отправилась в магазин, сообщив о своем решении лишь после того, как перешагнула через порог. Откровенно говоря, мне просто не хотелось давать этим двоим шанса уцепиться за мной, так как к вечеру я уже успела устать от шумной компании, которую они из себя представляли.

Дождь закончился примерно полчаса назад и, отметив шесть часов на мобильном, я подняла голову вверх, чтобы убедиться в том, что вода и вправду остановилась. На улице было до жути прохладно, так что я весьма скоро пожалела о том, что забыла надеть бейсболку и, спрятав волосы под капюшон, быстрым шагом отправилась по карте у себя в голове. В принципе, заблудиться было нереально, так как до пункта назначения было едва ли больше пятисот метров. Оказавшись в огромном помещении с голубоватой подсветкой неоновых ламп, я вдруг с облегчением выдохнула. Здесь никто меня не знал и я могла спокойно разгуливать вдоль широких прилавков, совершенно не переживая о том, что кто-то меня окликнет и выведет из транса лишь для того, чтобы поинтересоваться моим самочувствием. Я рассматривала неизвестные мне сокодержавные напитки, сладости и молочные продукты, пытаюсь прочесть замысловатые название каждой заинтересовавшей меня диковинки. Медленно передвигая ногами, я положила в корзинку всё то, что хотела попробовать, впервые за всю поездку совершенно не обращая внимание на цены, потому как считала, что мы должны Тайлеру минимум сто долларов за проживание в течение грядущих двух недель, а так как он деньги не брал, я просто обязана была разориться на продукты. Прошло около получаса с момента моего прихода в REWE, когда я оказалась в ста метрах от кассы с полной корзиной в руках. Остановившись напротив очередной стойки, я начала рассматривать разнообразные сухарики, чипсы и попкорн, внимательно вчитываясь в неизвестные мне названия. Уже через пять минут, держа в руках чипсы “Pringles”, я пыталась понять, хочу ли я их настолько, чтобы разориться на пару евро. Я так глубоко ушла в размышления о своем “желании-нежелании”, что совершенно не заметила появившихся передо мной Саманты с Тайлером. В итоге парень буквально выдернул у меня из рук корзину с продуктами, взял три упаковки рассматриваемых мной чипсов и мы отправились к кассе, где он же и расплатился за покупки. Конечно, это был жест доброй воли, который мы с Сэм не могли не оценить, однако лучше бы я сама расплатилась. Уже после того, как мы вышли из супермаркета, я поняла, что мне очень неприятно. Из добрых побуждений, этот парень словно вошел в моё личное пространство, которого и так оставалось у меня не много.

Домой я шла, словно сжатая пружина, готовящаяся вот-вот выстрелить. Лишь зайдя в квартиру и расстегнув дрожащими руками куртку, я поняла, что меня знобит.

– Выглядишь как-то не очень, – заметила Саманта, вешая свою куртку в шкаф.

– Бледна как мел, – подтвердил Тайлер. – Всё в порядке?

– Никому не холодно? – поинтересовалась я, явно дрожащим голосом.

– Вообще-то в квартире достаточно тепло, – ответила стоящая передо мной в одной футболке Сэм. – А ты укуталась в толстовку... Погоди-ка, – вдруг притронулась к моему лбу рыжеволосая, – да тебя знобит!

– Похоже...

– Тайлер, у тебя есть градусник?

Пока они отправились на поиски аптечки, я зашла в туалет, решив не закрываться на замок, так как чувствовала я себя откровенно паршиво. Еле как опорожнившись, я натянула на себя штаны и внезапно осознала, что нахожусь в предобморочном состоянии. Отойдя подальше от унитаза и медленно опустившись на четвереньки, я легла на пол под раковину так, чтобы входная дверь не врезала мне по башне, если кто-то вдруг снова захочет нарушить моё личное пространство. Переведя взгляд с нависающей надо мной раковины, я начала рассматривать стены из шоколадного кафеля. Почему в своем большинстве ванные комнаты делают в светлых тонах? Это, наверное, потому, что в ванную обычно не проникает дневной свет...

Я размышляла о том, как же удачно было придумано – обложить ванную комнату матовым кафелем темно-шоколадного цвета, когда вдруг смутно начала понимать, что постепенно проваливаюсь в темноту.

Глава 6. Прощание с Германией

Я очнулась на кровати в момент, когда Сэм вытаскивала градусник из-под моей подмышки.

– Тридцать восемь и три, – обратилась рыжеволосая к Тайлеру, смотрящему на меня через её плечо. – Ну и напугала ты нас, своим обмороком! Повезло, что я тебе по голове входной дверью не зарядила. Зато это успешно исправил Тайлер, хорошенько саданув тебя виском о раковину, поднимая твоё бездыханное тело, чтобы перенести его сюда.

– Прости, – извиняясь, поджал губы Тайлер.

Мне было очень холодно. Казалось, будто я промерзаю до самых костей. Выпив вяжущее содержимое поднесенного мне стакана, я легла на подушку с незначительной головной болью и одобрительно хмыкнула, когда Тайлер накрыл меня поверх одеяла шерстяным пледом. Ночь была тяжелой. Спустя полночи мощного озноба у меня начался жар, который удалось сбить лишь под утро. В течение этой жуткой ночи Саманта и Тайлер кружились над моей кроватью, но утром я не могла толком вспомнить, что именно они говорили и спрашивали. Перед обедом было решено вызвать скорую помощь. Добродушная пожилая медсестра оценила моё состояние как допустимое для лечения на дому, выписала какие-то лекарства и медленно скрылась за дверью. С её слов, мне еще повезло, что после прогулки под ливнем я не подхватила воспаление легких (вероятность развития воспаления всё еще сохранялась). Как по мне, так моё везение было относительным. Кому действительно повезло, так это Сэм, которая вместе со мной по приезду в Эрфурт попала под ливень, однако при этом в данный момент чувствовала себя едва ли не самым здоровым человеком во всей Германии.

Следующие сутки прошли в полудреме и попытках проглотить хотя бы одну порцию куриного бульона. Я вставала с постели всего пару раз, чтобы покачивающейся походкой добраться до туалета и вернуться обратно.

Мне полегчало лишь на третьи сутки – температура спала до тридцати семи и пяти, и у меня появился хоть какой-то аппетит. Еще сильно хотелось в душ, но Саманта категорически забаррикадировала мне путь в его сторону, так как я еще недостаточно окрепла перед испытанием в виде Ниагарского водопада (именно так она воспринимала дождик в душевой). Для того чтобы я не скучала, меня переместили в гостиную на кожаный диван, после чего мы начали совместный просмотр Властелина колец “Братство кольца”, который Тайлер запустил на DVD-проигрывателе (не думала, что они до сих пор существуют). Кажется, я отключилась на моменте, когда Боромир говорил что-то о тяжести бремени.

В течении следующих десяти дней за окном был настоящий потоп – городская канализационная система перестала справляться с потоками прибывающей воды. Все эти дни мы просидели дома, играя в настольные игры и пересматривая старые добрые фильмы. Еще бы пара таких дней и мы бы постепенно начали впадать в беспросветную апатию, но нас спас пришедший с юга антициклон. В день, когда выглянуло яркое солнце, мы втроем буквально выпорхнули из заточения (благо оно у нас было весьма уютным) и понеслись по мощеным улочкам-незнакомцам.

Эрфурт оказался достаточно большим городом с немалым количеством достопримечательностей, но трех дней нам с Самантой вполне хватило на то, чтобы осмотреть его с ног до головы. Провожая нас с автовокзала, Тайлер поочередно обнял нас, отчего мне вдруг стало не по себе.

– Не теряйтесь, – улыбнулся парень, притянув меня к себе. – Каждый день пишите мне по мессенджеру о своем путешествии и не забывайте о фотоотчетах.

– А он на тебя запал, – заметила Сэм, когда мы уже сели в автобус.

– Не говори ерунды.

– Девочка моя, я говорю лишь правду. Он с первого дня над тобой трепетал.

– Ну вот, ты только что опустила планку парня в моих глазах, – поморщила нос я.

Тайлер и вправду пытался уделять большую часть своего внимания именно мне, не смотря на то, что я совершенно в этом не нуждалась и, более того, меня это иногда даже тяготило. Но я не воспринимала его гипервнимание в качестве ухажерства. Еще раз, подумав над словами Сэм, я вздернула плечами и натянула бейсболку на глаза, в надежде немного поспать под звуки МР-3.

Следующим пунктом назначения стал Магдебург, но в нем мы были лишь проездом. Приехав в город в девять часов утра, мы провели в нем весь день, буквально стоптав ноги до мозолей, после чего сели в вечерний автобус и уже в одиннадцать оказались в Берлине. Моё первое впечатление: “Берлин – город огней”. Именно так и назвала свою очередную статью Сэм. К нашему огорчению, интернет-портал, на который Саманта всё это время работала, заранее предупредил нас о том, что из-за финансовых трудностей продлевать контракт с нами не будет, даже не смотря на то, что колонка рыжеволосой была весьма популярна. Нам оставалась всего одна страна и всего четыре города, за каждый из которых нам еще должны были заплатить. Поэтому, заселившись в далеко не самый лучший, зато дешевый хостел, на следующий день мы отправились на поиски подработки. Следующий месяц я проработала продавцом цветов в ларьке напротив хостела, Сэм же раздавала листовки в центре города в костюме подсолнуха. Именно поэтому Берлин для меня запомнился, как город, пахнущий фиалками и доступным заработком. Правда не обошлось и без неприятных инцидентов. За сутки перед отъездом наши вещи кто-то безжалостно прошерстил. Нам еще повезло, что мы отличались привычкой носить все свои сбережения и документы в поясных кошельках. Украли всё, что не являлось тряпкой: наушники Сэм (благо свой МР-3 я в тот день забрала с собой), старый фотоаппарат, зарядные для мобильных, флешки и даже дешевую бижутерию. Хорошо еще, что в тот день рыжеволосая отдала нетбук в ремонт, иначе бы и его лишились.

Естественно администратор хостела отказался от какой-либо ответственности, после чего нагло посоветовал нам съехать прежде, чем нас обворуют в очередной раз. Оказавшись на центральном вокзале, мы заперли вещи в камере хранения и пошли закупать то, что нам было необходимо для продолжения дальнейшего путешествия. Продавец дешевых наушников, с которым Саманта сильно разговорилась, пригласил нас на открытие небольшого клуба, которое должно было состояться сегодня вечером. Мужчина вручил нам два бесплатных билета в виде глянцевого картонки, на которой красивым шрифтом был выведен адрес мероприятия. В итоге, до четырех часов утра мы провели в клубе, раскачиваясь и прыгая под громкий бит неизвестной мне попсы. К нам с завидной регулярностью клеились немецкие парни, английский акцент которых хромал на обе ноги, из-за чего казалось, будто они ругаются нецензурной лексикой, а не пытаются угостить нас очередным коктейлем. Наверное, я бы не остановилась после своего восьмого коктейля, но более-менее трезвая Сэм успела вытащить меня из клуба прежде, чем я согласилась на свой девятый коктейль от симпатичного немца. Моя напарница сказала обхаживающему меня мужчине, что мы на минутку выйдем в дамскую комнату, после чего она буквально отдернула меня от барной стойки. Заплетающимися ногами, мы из последних сил дошатались до вокзала, так как вызывать такси было недопустимой для нас роскошью, а общественный транспорт отказывался работать на нас в столь раннее время. До нашей электрички оставалось чуть больше часа, поэтому мы напялили на себя бейсболки и осели в зале ожидания, стараясь не привлекать к себе внимания со стороны патруля, который вполне мог вышвырнуть нас за пределы вокзала, из-за нашего алкогольного опьянения.

Только заходя в электричку, я поняла, что Сэм, на фоне меня, абсолютно трезва. Странно, как она умудрялась гулять под дождем и не простывать, пить и не охмелевать, смотреть на меня и не осуждать. Это был второй раз за время нашего путешествия, когда я напилась. Вторая тщетная попытка притупить боль. Не знаю почему, но мне зачастую казалось,

будто меня осуждает едва ли не весь мир за то, что я не спасла Мартина, за то, что скорблю по нем сильнее, чем по родному брату, за то, что пытаюсь заглушить боль коктейлями, которыми угощают меня незнакомые мужчины... Возможно, меня осуждал только мой внутренний мир, а не весь мир в целом, однако этого было вполне достаточно, чтобы продолжать погибать от боли.

Глава 7. Голландия

Проспавшись на задних сиденьях полупустой электрички, я проснулась в обнимку с портфелем лишь тогда, когда мы остановились на перроне Амстердама. Благодаря бесплатным коктейлям мой организм попал в зону серьезного стресса, так что сейчас я чувствовала себя откровенно паршиво. Плюс ко всему мне было неловко за своё поведение, поэтому я старалась не встречаться с Сэм взглядом, хотя она явно не имела ко мне претензий. Скорее всего, именно её понимание меня и добивало.

Многие любят утверждать, что ожидание и реальность по поводу этого города очень различимы. Будто все ожидают разврат и порок, а получают палитру Ван Гога и поля тюльпанов. Возможно это и так, если вы приехали сюда не более чем на неделю и имеете более пятисот долларов в кармане. Потому что это далеко не тот самый случай, когда “кто ищет, тот найдёт”. Это тот случай, когда “не ищущего само находит”.

Веселье началось с того момента, когда каучсерфер, согласившийся приютить наши душонки на пару деньков, отказался от своего обещания, так как был занят разборкой со своим товарищем по поводу своего искореженного велосипеда. В итоге нам пришлось отправиться в хостел и платить двадцать евро за ближайшие сутки. По очереди приняв душ, мы торчали у ноутбука, в попытках найти что-нибудь приличное на сайте каучсерфинга, когда это самое приличное нашло нас. Только после того, как следующим вечером мы выселились из хостела и заселились к пышногрудой Флёр, мы узнали, что она является работницей древнейшей профессии, а именно – проституткой. Флёр была высокой блондинкой с силиконовыми губами, грудью и ягодицами, но, к нашему общему удивлению, не сильно была обделена умом, что, всё же, не помешало сделать ей выбор в пользу “странной” профессии.

Девушка предоставила нам раскладной диван, и мы старались не задумываться о том, что именно могло происходить на этом самом диване. Двухкомнатная квартира Флёр выглядела более чем просто прилично, можно даже сказать, что она обладала нотками шика. Однако я вдруг словила себя на мысли о том, что, даже оценивая квартиру я старалась не размышлять на тему того, как именно наша новая знакомая стала владелицей этих апартаментов. По правде говоря, мне, в отличие от Саманты, даже кусок купленного девушкой пирога в горло не лез, так как мои мысли сразу сосредотачивались на том, с каким трудом ей достались деньги, на которые этот пирог был куплен. Вдобавок Сэм, в отличие от меня, как и с Тайлером мгновенно поладила с новой знакомой, так как не была мрачным и замкнутым подростком, на которого я походила в свои двадцать три года. На фоне меня Флёр выглядела силиконовой секс-куклой, хотя была всего на год старше меня, и при этом представляла из себя весьма интересную собеседницу, чем я совершенно не могла похвастаться (я вообще была мраком диалогов, особенно бурных).

Во время ужина девушка рассказала о том, что является не простой девицей легкого поведения, а “элитной ночной бабочкой”, работающей только на себя, безо всяких работодателей и обязательств. Так я впервые узнала о том, что существует такое понятие, как элитная проститутка. Оказывается, что быть элитной тоже весьма непросто. Например, ей пришлось в совершенстве овладеть английским и испанским, так как она обслуживает только пятерых толстосумов, двое из которых являются англичанами, а трое испанцами... В этот вечер я исчерпала максимум из уроков по половой жизни и отправилась спать, стараясь не думать о стоимости имплантов в груди Флёр. Пожалуй, я впервые в жизни так часто старалась “не думать”.

* * *

Официально Амстердам состоит из семи районов (мы жили в Йордане), которые мы осмотрели за пять дней. В этом нам неплохо помог прокат велосипедов в Damstraat Offer, которым мы пользовались три дня подряд, пока Сэм не огрела моим рюкзаком парня, пытающегося снять колеса с её велосипеда, припаркованного к уличному фонарю. Не смотря на то, что Амстердам был поистине “двухколесным” городом, здесь всю процветала кража велосипедов. Между жителями этого города даже ходила красноречивая шутка: “Если крикнуть в толпе велосипедистов – эй, это мой велосипед! – восемь из десяти человек начнут крутить педали в два раза быстрее”. Опасаясь подобного развития событий, мы решили перейти на пеший вид туризма.

После любования разнообразной архитектурой, мы занялись скрытыми достопримечательностями и, в итоге, раскошелились на семнадцать евро, чтобы побывать в рейксмузее и поглазеть на знаменитые подсолнухи Ван Гога. За неделю увидев в Амстердаме абсолютно всё, что только было доступно бюджетному туристу, следующую неделю мы провели колеся по всем Нидерландам. Флёр безвозмездно одолжила нам свою Mazda-2, так что мы вернулись под заботливое крылышко блондинки спустя ровно семь дней, пересмотрев едва ли ни всё, что только можно было увидеть в этой маленькой стране. На обратном пути, в деревушке под Арнемом, у нас спустило колесо, поэтому пришлось буквально на пальцах объяснять местному жителю, что нам необходима его помощь. В итоге провозившись с машиной не менее часа, мы, наконец, вернулись в Амстердам.

Флёр радовалась нашему возвращению, как радуются возвращению самых лучших друзей – она даже состояние машины не проверила! А ведь мы в этой коробочке в буквальном смысле прожили целую неделю – спали в ней, по ночам шарахаясь от гопников Гронингена и Эммена⁶.

Следующая неделя была самой скучной во всем нашем путешествии, за исключением дождливых дней Эрфурта. От зеленой тоски нас в итоге спасла Флёр – у её подруги, в честь новоселья, намечалось пати на дебаркардере⁷. Купив три бутылки не самого дешевого шампанского, мы, перед самым закатом, оказались на трапе небольшого плавучего дома.

– Девочки, как я вам рада! – закричала женщина лет сорока, разукрашенная словно барби, на голове которой красовался парик из белокурых кудрей. – Проходите-проходите! Уже почти все в сборе. Флёр, дорогая, представь нас, пожалуйста.

– Это Глория и Саманта.

– Можно просто Сэм, – протянула руку рыжеволосая, после чего внезапно оказалась в объятиях рослой незнакомки, облаченной в леопардовое платье.

– Какое чудесное у тебя имя, дорогая! Совершенно мужское. Ты не думала о смене пола?

– Нет, – кривовато-неловко улыбнулась рыжая.

– А зря – из тебя бы вышел крутой брутал. Все за мной на борт! Пора устраивать вечеринку!

– Это что, мужик? – вжав голову в плечи, решила уточнить я у Сэм.

– Определенно мужик. Он помял меня своей накладной грудью...

Совершенно неожиданно мы оказались на настоящей травести вечеринке, на которой находились исключительно представители сексуальных меньшинств, из-за чего я чувствовала себя здесь белой вороной. Поначалу настороженная Саманта быстро раскрепостилась после двух порций сухого martini и уже спустя полчаса всю отплясывала с мадам Пульхерией,

⁶ Города в Нидерландах.

⁷ Плавучий дом.

которая была далеко не мадам и далеко не Пульхерией. После того, как Сэм узнала, что продления контракта с онлайн-журналом ей не видать, она словно сняла с себя цепь и решила поменяться со мной возрастом – теперь мне было тридцать девять, а ей двадцать три и теперь я следила за ней, а не она за мной.

К четырем часам утра, после бурной вечеринки, на которой я впервые в жизни заинтересовалась кальяном, на катере осталось всего шесть человек: я, Сэм, Флёр, Билли (хозяйка торжества в леопардовом платье, которая несколько лет назад сменила мужской пол на женский), мадам Пульхерия (мужчина в розовом платье из блестящих пайеток) и Дельта (двадцатилетняя лесбиянка, которую недавно бросила девушка, являющаяся парнем в их паре).

– И что ты теперь будешь делать? – заплетающимся языком поинтересовалась Билли у Сэм, которая пять минут назад не менее, а даже более заплетающимся языком рассказала свою историю о том, как осталась без работы и теперь, так как наши сбережения близились к нулю, нашему дальнейшему путешествию грозил вполне реальный голод и холод.

– Не знаю. Может устроиться на... Гхм... Ой... Работу? – выдохнула Саманта, поставив точку в своем рассказе этим риторическим вопросом.

Я была определенно пьяна, но точно не в хлам, как окружающие меня “девушки”, которые вдобавок обкурились травкой, внезапно перебросившей их из приподнятого настроения в резкую меланхолию. Из-под козырька моей черной бейсболки вся эта картина, окутанная дымкой и запахом легкого наркотика, выглядела словно тягучий мираж (как же хорошо, что я не пригубила косячок, не смотря на то, что здесь он был везде и всюду, и сейчас могла более-менее здраво мыслить!).

– Ке-е-ем? Ну вот ке-е-ем ты устроишься в Амстердаме? – затаившись тонкой сигаретой, поинтересовалась Флёр, встряхнув перед собой докуренным косячком.

– Стриптизершей, – нервно хихикнула мадам Пульхерия.

– Это полная задница, – заключила Сэм. – Полная...

– Полная задница – это когда тебя бросают из-за того, что ты подстриглась под мальчика и стала более мужественно выглядеть, чем твоя вторая половина, – весь вечер о наболевшем вещала Дельта.

– Дорогуша, тебе всего двадцать, – выдохнула дым Билли, отстранив мундштук⁸ от увеличенных губ. – Еще найдешь свою “ту самую”.

– Только верь, – поддержала подругу мадам Пульхерия. – Билли ведь верила и смотри, как у неё всё замечательно – и собственный катер, и папик...

– Мне не нужен ни катер, ни папик, – нервно сорвалась Дельта.

– И всё-таки, Сэм, что ты будешь делать? – не обращая больше внимания на малолетку, спросила сонным голосом Билли. Мне казалось, будто я нахожусь в заевшей пластинке, в которой все говорят слишком размеренно и слишком тягуче, словно им тяжело было произносить слова не по слогам.

– Пойду мыть машины, – пожала плечами Саманта. – Я так уже делала в прошлом году, в пригороде Парижа. Много денег это не принесло, но хоть что-то. Тем более со мной Глория. Правда, Глор-и-я?

– Правда-правда, – вяло отозвалась я покачивая головой и совершенно не обратив внимания на подсевшую ко мне слева Дельту.

– Ну вот еще – чтобы такие красотки и мыли машину! – возмутилась Билли, после чего с кряхтением встала и ушла куда-то покачивающимся шагом, за компанию прихватив с собой и мадам Пульхерию.

⁸ Мундштук – часть курительной трубки или папиросы, которую берут в рот при курении, а также небольшая трубочка, в которую вставляют папиросу.

– Будешь? – поинтересовалась у меня Флёр, протягивая мне нетронутый косячок с травкой.

– Н-не-ет... Я хоть и съехавшая с катушек, но я точно не лишённая стоп-крана.

– Да брось! Это ведь безобидно!

– А мне нравятся съехавшие с катушек, – отозвалась прильнувшая ко мне Дельта, после чего я вдруг заметила её близость.

– Отстань от меня, малолетка, – как-то слишком грубо отозвалась я, буквально стряхнув девушку со своего предплечья. – Иди домой, проспись и пойми уже наконец, что тебе нужен нормальный парень, а не “что-то неординарное” лишь для того, чтобы чувствовать себя “не такой как все”.

После моих слов девчонка сиюсекундно разревелась, после чего буквально вылетела с катера, рыдая как-то слишком громко, как для обкуренно-пьяной малолетки.

– Круто ты с ней, но правильно, – ухмыльнулась Флёр, выпуская очередной поток дыма из своих задыхающихся легких. – Видала я таких лжелесбиянок. Корчит из себя невесть что...

– Сэм... Гхм... Сэм, мне кажется, нам пора, – отобрав у Саманты бокал недопитого ей шампанского, отозвалась я.

– Я в хлам, – призналась моя тетка, после чего сделала еще одно признание. – Но это круто и я хочу еще.

– Н-не-е сегодня, – протянула я, отобрав у нее еще и закупоренную банку пива. – А хотя – держи... Всё равно не откроешь.

– Флёр, где открывашка?

– Не знаю...

– Пульхерия! Где эта долбаная открывашка?

– Вот, держи, – ухмыльнулась вошедшая в комнату Билли, протянув Саманте небольшой конвертик.

– Что это? Это не открывашка...

– Тут ровно пятьсот евро. Немного, конечно, но хватит на то, чтобы остаться на плаву ближайшее время.

– Мы не возьмем, – мгновенно запротестовала я.

– А я возьму, – икнув, произнесла Сэм, которая после травки отличалась беспрецедентной честностью.

– Билли, ты под травкой – потом будешь думать, что мы тебя ограбили, – нахмурившись, заметила я.

– Я эти деньги хотела отдать на благотворительность в какой-нибудь фонд поддержки бездомных животных, но вам они нужнее, чем бездомным животным.

Класс. Из слов Билли было ясно, что Сэм и я выглядим более убогими, нежели ободранные кошки.

Глава 8. Дания. пляж

В конце июля мы оказались в небольшом портовом датском городке, с двухспальной палаткой за плечами. Еще ни разу в жизни я не ночевала в палатке, как и на берегу моря. И всё же я была настроена положительно относительно этой авантюры, даже не смотря на то, что нам пришлось потратить практически все свои сбережения на основное оборудование и консервы. Как мы будем жить через месяц, когда наших запасов едва ли хватит до конца августа, мы не представляли и, как истинные безрассудные подростки, предпочитали об этом не задумываться (по крайней мере, на данном этапе развития нашего путешествия).

В это время года пляж был забит отдыхающими, но, не смотря на это, нам удалось найти замечательное место всего в десяти шагах от скалы, предварительно убедившись в том, что никакие приливы и отливы нам не страшны (местные отдыхающие помогли с этим вопросом). С палаткой же мы провозились битых полтора часа и это с учетом того, что Сэм не первый раз в жизни занималась этим делом (второй!). Помимо нашей, по всей линии берега было разбросано еще восемь палаток, две из которых находились буквально в пятнадцати шагах от нас.

В голубой палатке жили Брайан и Поппи – очень молодая семейная пара. Брайану было около двадцати пяти, он был высоким, широкоплечим, смуглым парнем с круто прокаченным телом и симпатичной стрижкой-ёжиком. Откровенно говоря, у него была модельная внешность. Поппи же напротив была стандартной девушкой лет двадцати, с красивой фигурой, но совершенно бледной кожей. Она была на дюйм ниже меня и на фоне своего мужа выглядела самой настоящей пипеткой. Поппи не так ярко выражала чувства относительно своего избранника, как это делал Брайан, однако её взгляд был достаточно красноречив. Эти двое словно являлись представителями двух разных миров, но было заметно, что они не могут жить друг без друга. Они были американцами и уже третий месяц колесили по Европе в поисках новых ощущений.

Оранжевая палатка принадлежала Серену и Гретэль, которые тоже были семейной парой, только уже не молодой. Им было около сорока, что делало их сверстниками Сэм (Саманта выглядела на фоне своих ровесников молоденькой девушкой). Серен был достаточно сдержанным мужчиной с небольшим животиком и предательской сединой у висков, которая преждевременно его старила. Гретэль же напротив была более общительной, с плоской фигурой и броской биошпилькой на длинных волосах, окрашенных в цвет красной фасоли. Они были коренными датчанами и бывшими хиппи (хотя бывших хиппи не бывает), объездившими почти весь мир, за исключением славянских земель и северного полюса. Пара обладала поистине раритетным микроавтобусом Volkswagen-T2, который более напоминал старую посудину, нежели средство передвижения (ему было минимум полвека от роду). Для них этот автомобиль служил передвижным домом, забитым всяким барахлом, в котором можно было откопать всё от волейбольного мяча до древней деревянной удочки. У Серена и Гретэль не было своих детей, но в своё время они взяли опеку над осиротевшим сыном знакомых, которому на данный момент уже было девятнадцать лет и сейчас он получал образование в Копенгагенском университете, поступив на юридический факультет.

* * *

Первая ночь в палатке оказалась для меня не самой приятной, так как мне мешало абсолютно всё: шум прибоя, лежащая под боком Сэм, твердый песок под поясницей, отсутствие подушки и нереальный холод. Палатку цвета хаки мы купили у рыбака, который уверял нас

в том, что в ней поместятся двое (новая палатка была нам не по карману). По сути, он был прав – поместиться мы поместились, вот только свободного пространства внутри не осталось ни сантиметра. В итоге, так как распаковаться для нас было слишком большой роскошью, нам пришлось сложить вещи в сумки и уложить их у изголовья.

Еще я никогда не задумывалась о том, что летней ночью может быть настолько прохладно! Проснувшись в два часа ночи, мы с Сэм около получаса копошились в своих сумках, после чего натянули на себя все самые теплые вещи, которые только смогли откопать (к сожалению, у нас их оказалось совсем немного). В магазине походного инвентаря мы приобрели один двуспальный мешок-одеяло, так как покупать два односпальных было бы слишком разорительно для нашего кошелька, зато в предрассветный час, хоть нам и было тесно, мы признали, что спать впритык друг к другу куда теплее, нежели по отдельности.

И хотя первая ночь была невыносимо мучительной, утро выдалось замечательным. Мы проснулись на рассвете, когда солнце только начинало скользить по еще прохладному песку, переоделись и медленно побрели к воде. На Сэм красовался ярко-оранжевый купальный костюм, на мне же был тот самый черный купальник, в котором я, с легкой руки Мартина, едва не утонула на Виргинских островах. Я и была бы рада другому варианту купальника, но Сэм положила в мою сумку только этот и еще белоснежный, который Мартин называл дурацким. Эти купальники напоминали мне о том, о чем я предпочитала не вспоминать, но у меня не было выбора, так как мы не могли позволить себе лишних расходов.

Был полный штиль и уже воздух успел прогреться, так что температура воды была вполне приемлемой. Я не мылась трое суток, поэтому для меня мой первый заход в воду был по-настоящему желанным. Вернувшись к палатке, мы пересеклись с Гретэль, которая указала нам на месторасположения биотуалетов. К моему облегчению, ряд из пяти бежевых уборных оказался совершенно новым и не успевшим обзавестись зловонием (позже Гретэль рассказала, что биотуалеты установили за пару дней до нашего заселения на пляж). Следующим пунктом нашего первого “пляжного” утра стал завтрак. Мы завтракали в дружной компании соседей, угощаясь колбасой и яблоками, и угощая консервами из тунца.

Почти весь оставшийся день мы наслаждались игрой в пляжный волейбол. Я никогда прежде не играла в волейбол на песке, однако достаточно быстро приспособилась к сложности передвижения по песчаным дюнам. Вечером, во время поедания бутербродов из черствого хлеба и сыра не первой свежести, Брайан рассказывал нам страшные и причудливые истории об индейцах Майя, душах утопших и значении молнии в фольклоре разных народов. Особенно интересной для Сэм оказалась последняя тема, так как её душа этнографа буквально жаждала обменяться знаниями в этой сфере.

* * *

Дни текли размеренно спокойно – мы каждый день играли в волейбол, общались с туристами из разных стран, строили песочные замки, находили причудливые ракушки, громко слушали музыку (колонки развалюхи Серена и Грэтель оказались достаточно мощными), загорали и плавали. И пусть я не чувствовала себя счастливой хотя бы на десять процентов из ста, всё же я впервые чувствовала себя легче. Словно я была морской пеной, которая могла раствориться в любой момент, но это совершенно не зависело лишь от одного её желания.

В середине августа выдалась первая очень прохладная ночь, после которой Поппи простыла. В итоге Брайан принял решение свернуть их путешествие и вернуться домой в Америку. Конечно Поппи была расстроена из-за того, что отпуск прервался отчасти по её вине, но Брайан пообещал ей взамен незабываемые Рождественские праздники в Финляндии, после чего девушка немного легче приняла факт окончания их “приключений”.

Первые пару дней нам было откровенно тоскливо без рассказов Брайана о русалках и привидениях местного пляжа, но вскоре Грэтель придумала развлечение в виде перебрасывания друг другу через костер теннисных мячей. Нужно отдать должное данной идее – это было увлекательно, но к концу следующей недели у нас не осталось ни единого не почерневшего от злы мяча.

К концу августа туристический сезон заканчивался, людей на пляже становилось всё меньше, а из девяти палаток на пляже осталось всего две, не считая нашей: Сирена с Грэтель и какого-то отшельника, жившего на другом конце берега. Но после двадцатого числа не осталось и этих самоотверженных путешественников: отшельник внезапно куда-то пропал вместе со всеми своими вещами, а Сирен с Грэтель отправились к приемному сыну, который на днях заработал перелом ключицы, скатившись с общажной лестницы. Перед отъездом Грэтель оставила нам два десятка разнообразных консерв и старый радиоприемник с батарейками, что являлось для нас настоящим богатством. Так мы неожиданно остались в абсолютном одиночестве у нашего ночного костра.

Глава 9. Дания. Сосед

И всё-таки вскоре мы привыкли к ночному уединению. Наверное именно из-за привычки мы приняли внезапное вмешательство в нашу тихую гавань без особого энтузиазма. Нет, мы не были отшельниками, общение которых было сосредоточено исключительно на нас самих. Каждый день мы общались с людьми, приходящими на пляж, хотя их и становилось с каждым днём всё меньше, однако по вечерам наше общение ограничивалось исключительно нашими персонами. Скорее оно даже более походило не на общение вовсе, а на умиротворенное молчание, изредка прерывающееся просьбами падать соль или подложить в костер веток, которые мы ежедневно добывали в зарослях на окраине пляжа.

Мы стали настоящими жаворонками, укладываясь спать уже в десять часов вечера и просыпаясь в шесть-семь утра, чтобы успевать наслаждаться рассветами, поэтому когда однажды в одиннадцать часов вечера пляж сотряс сильный бит популярной рок-группы, мы одновременно повернулись друг к другу лицами, при этом стараясь не разорвать спальник напополам.

– Что это? – непонимающе уставилась я на Сэм.

– Судя по звуку мотора и свету фар – это нахальство, – каким-то слишком уж недружелюбным тоном отозвалась Саманта, впервые плохо настроенная на новое знакомство. – Надеюсь, что скоро свалят... Если это через пять минут не прекратится – я собственноручно выдерну колонки из тачки засранцев.

В итоге Саманта отправилась исполнять обещанное не дождавшись истечения назначенных пяти минут.

Не прошло больше тридцати секунд, как музыка вдруг резко заглохла, после чего послышались громкие претензии Сэм, суть которых я не смогла уловить из-за шума прибора. Кто-то приглушенно-доброжелательно смеялся в ответ на бурные негодования Саманты, и я сразу поняла, что голос принадлежит мужчине. Я уже хотела выходить из палатки, чтобы поддержать свою подругу, когда Сэм вдруг сама возникла у входа, с нервно вздымающейся грудью.

– Что там? – поинтересовалась я, откладывая фонарик в сторону. – Их много?

– Всего один, а борзости на целый отряд! Ничего, он у меня еще попляшет...

Впервые в жизни я видела Сэм столь негодующей – она буквально вскипала от желания наkostenить незнакомцу!

Вообще всё наше путешествие целиком держалось на Саманте. То, что она знала лучшие hostels в давно объезженных ею городах, имела знакомых в разных уголках мира, знала как быстро подзаработать и грамотно вести общий бюджет – безусловно облегчало мне жизнь. Честно говоря, сам факт того, что рыжеволосая была опытной путешественницей, позволял мне немного расслабиться, так как на основные организаторские и жизненно важные вопросы Сэм всегда имела правильные ответы. Она же являлась и душой нашей компании – настоящей заводилой и весельчаком. При этом не только внешне, но и по её поведению казалось, будто она максимум на пять лет старше меня. За это время мы стали друг для друга не просто веселой тетей и унылой племянницей, а самыми настоящими подругами. Поэтому сейчас я сильно удивилась тому, как взрывоопасно она отреагировала на новое соседство.

С утра, выползая из своей палатки, чтобы принять прохладную ванну, я обнаружила в двадцати шагах от нашего шалаша роскошный дом на колесах. Стараясь долго не паять на шикарные апартаменты соседа, я отправилась к воде, заставляя себя не думать о том, каких денег стоит подобное “удобство”. Примерно через пять минут ко мне присоединилась Саманта, после чего мы позавтракали ванильными сухариками с говяжьей тушенкой, которая внезапно оказалась весьма недурной. В полдень, когда Сэм отправилась играть в волейбол с незнакомой компанией девушек, а я решила остаться сидеть у палатки, я так увлеклась перебиранием новой

партии ракушек от рыжеволосой, что совершенно не заметила подошедшего ко мне сзади мужчины.

– Добрый день, – послышался грубальный мужской баритон за моей спиной, заставивший меня содрогнуться всем телом.

– Добрый, – согласилась я, подняв голову вверх и приставив ладонь к глазам, тем самым пытаюсь хоть как-то скрыться от палящего солнца. Передо мной, в длинных пляжных шортах, стоял огромный качок лет сорока, с темными волосами, аккуратно подстриженными под короткий ёжик. Он выглядел как типичный “спасатель мира во всем мире” из шаблонных американских боевиков, отчего мне даже на мгновение стало не по себе, хотя этот мужчина и располагал к своей персоне своей белозубой улыбкой.

– Дэвид Прайс, – присев на корточки напротив, чтобы оказаться на одном уровне со мной, представился мужчина, после чего протянул мне свою огромную ладонь. – Я ваш новый сосед.

– Очень приятно, – улыбнулась я, пожав сильную руку новоиспеченного соседа. – Глория Пейдж.

– Я вчера по незнанию слегка расшумелся, прошу меня простить.

– Оу, что Вы, я даже не успела обидеться.

– Зато это успела сделать Ваша сестра.

– Кто? Сэм? Она мне... Она мне не сестра. Она моя тётя, – сконфуженно улыбнулась я.

– Да, с моей стороны было глупо предполагать, что рыжеволосая и брюнетка являются сестрами, – улыбнулся Дэвид, после чего перевел взгляд на приближающуюся к нам Саманту. – Разве что только сводными.

– И что ты забыл у нашей палатки?

У меня отвисла челюсть от того, как легко и просто Сэм обратилась к незнакомцу на “ты”.

– Я пришел на мировую.

– Вот уж нет.

– Ты отказываешься со мной мириться? – протянув свою раскаченную руку Саманте, поинтересовался Дэвид.

– А вы давно друг с другом на ты? – встряла я.

– С тех пор, как он назвал меня “рыженькой”, – недовольно фыркнула Сэм, скрестив руки на своей пышной груди, явно не желая пожать мужчине руку.

– Но это ведь правда, – добродушно улыбнулся Дэвид своей идеально ровной улыбкой, которая была настолько заразна, что заулыбалась даже я, после чего сразу же постаралась замаскироваться, чтобы мне не прилетело от гневной Саманты.

– О-о-о... – обращаясь к Дэvidу, протянула я, пряча свой смех в кулак. – Это Вы зря.

– Я никакая тебе не рыженькая! – вскинула руки Сэм, буквально моментально вскипев. – Максимум – рыжая, минимум – Саманта! И вообще, держись от моей палатки подальше.

После этих слов “рыженькая” очертила своей правой ногой линию за моей спиной, явно давая понять Дэvidу, что он не имеет никакого права переступить придуманную ей границу.

– Это наше место!

– Но пляж ведь общий, – как-то сконфуженно, словно пытаюсь извиниться, произнес Дэвид, отчего у меня сердце сжалось. Мне всегда было жаль мужчин, которые как папа, тщетно пытаются выпросить лишний кусочек бекона, или как Дэвид, безрезультатно стараются извиниться перед взъерошенной особой. В подобных жизненных ситуациях мужчины становятся такими душками, что даже джунгарские хомячки уступают им по милоте.

Не обратив никакого внимания на логическую мысль Дэvida о том, что пляж является общим, Сэм молча развернулась, резко откинула волосы за плечи и удалилась в палатку.

– Круто, – многозначительно произнес Дэвид, проводив Сэм взглядом.

– Она у меня с характером, – как бы извиняясь, произнесла я, прикусив нижнюю губу.

– Глория, иди сюда! – командным тоном окликнула меня тётка, что инстинктивно заставило меня повиноваться.

– До встречи, – прошептала я, встав с горячего песка.

– До встречи, – тихо улыбнулся Дэвид, махнув мне рукой.

– Чего это ты с ним по-добренькому? – поинтересовалась Саманта сразу после того, как я вошла в палатку, перед этим тщательно отряхнувшись от песка.

– Он приятный мужчина и ничего плохого не сделал...

– Как это не сделал?!

– Ну, разве что, назвал тебя рыженькой...

– Не называй меня так! И вообще, он вчера разбудил нас...

– Но он ведь извинился.

– Глория, засеки себе на носу, что если я хочу на кого-то злиться – я буду злиться! Пусть даже беспочвенно!

– Необоснованная злость старит...

– Вот еще! Чтобы я постарела от этого... От этого...

– Что я тебе только что говорила о необоснованной злости?

– Глория...

– Сэм, я, конечно, тебя поддерживаю, ведь ты моя лучшая подруга и самый крутой родственник, пусть даже и не кровный, но я отказываюсь тиранить мужика лишь потому, что он невольно впал к тебе в немилость. Конечно, я буду избегать с ним лишних контактов для того, чтобы угодить тебе, однако я не хочу превращаться в невежду, которая вместо того, чтобы ответить добрым ответом на добрый привет, будет корчить из себя невесть что.

* * *

На закате, когда пляж покинули последние отдыхающие, Дэвид подошел к нашей палатке, однако из вежливости не пересек почти исчезнувшую границу, очерченную Самантой еще днем.

– Можно пригласить вас на ужин? – доброжелательно обратился к нам мужчина.

– Да, – просветленно заулыбалась я, мгновенно подскочив с бревна, притащенного нами к костру из соседних зарослей несколько недель назад. По выражению моего лица наверняка было понятно, что я невероятно рада тому факту, что сегодня нам не придется есть очередную консерву, ну, или, не придется есть её в одиночестве.

– Нет, – резко оборвала меня Сэм и я сразу же опустила свои приподнятые руки, поняв, что гордое одиночество нам всё-таки грозит.

– Нет, – разочарованно и одновременно извиняясь, повторила я в поддержку Саманты единоличное решение рыжей, после чего стряхнула, с висящих на мне шорт, остатки песка.

– Я неплохо готовлю, – не сдавался Дэвид. На нем была чистая черная футболка и всё те же длинные, пляжные шорты, отчего он, в отличие от нас двоих, выглядел по-домашнему ухоженным (конкретно я, в своей выцветшей майке и шортах, которые раньше сидели на мне впритык, а теперь их приходилось подвязывать каким-то канатоподобным шнуром, чтобы они не спадали с меня при ходьбе, выглядела как дикарка).

– Мы тоже неплохо готовим, – громко пробурчала Сэм, сев к нам спиной, после чего начала разжигать костер. Мне ничего не оставалось, кроме как пожать плечами в качестве извиняющегося жеста и проводить Дэвида взглядом, под гулкое урчание своего желудка.

– Ты чего? – присев рядом с рыжей, попыталась как можно более ласково поинтересоваться я у насупившейся девчонки.

– Ничего.

– Но мы могли согласиться хотя бы в целях экономии. У нас ведь осталось совсем немного еды и почти не осталось денег...

– Ничего. До конца сентября еще протянем, а там пойдем в город в поисках подработки... Подзаработаем и...

– Наверяд ли у нас получится заработать на продолжение путешествия, тем более в таком маленьком городке.

– Согласна, – тяжело выдохнула Сэм, подложив сухую ветку в занимающийся костер. – Нас ждет британская земля.

От услышанного я неосознанно съежилась. Меньше всего на свете мне хотелось возвращаться в Британию. Уж лучше питаться только сухариками, обгорать на солнце, чесаться от соленой воды и спать на песке, чем возвращаться к истокам боли.

Словив радиоволну на приемнике Сирена, мы слушали хиты Битлз и ели грибной паштет с сушками, запивая горячим чаем, воду для которого вскипятили на костре.

* * *

На следующее утро мы совершенно неожиданно для себя обнаружили, что у нас закончилась пресная вода. Пересчитав последние копейки в общем кошельке, на сей раз в город отправилась я.

Купив в ближайшем магазинчике две шестилитровые бутылки, я медленно шаркала старыми шлепками по асфальту, направляясь в сторону пляжа и параллельно наступая на калоши джинс, предательски сползающих с моих бедер. За три с половиной месяца бюджетного путешествия я так сильно похудела, что теперь вся моя одежда болталась на моём скелете, словно балахон.

Сделав двадцать шагов от магазина, я остановилась, чтобы перевести дыхание. Раньше с подобным весом я могла пройти минимум сто метров без остановки, сейчас же загибалась от каких-то двух десятков шагов.

– Ну ты и доходяга, – послышался знакомый мужской голос за моей спиной.

– Правда? – сквозь предательскую одышку поинтересовалась я.

– Честное слово, – улыбнулся Дэвид, после чего с легкостью подхватил мои бутылки, не смотря на то, что сам нес две аналогичные.

– Спасибо, – ответила я, поплетшись за мужчиной, даже не подумав поинтересоваться, не тяжело ли ему, так как его внушительные бицепсы красноречиво говорили о том, что у него всё под полным контролем. – Вы не могли бы...

– Обращайся ко мне на ты.

– Можно?

– А почему нет? Для твоей тетки ведь это не проблема...

– Это потому, что она твоя ровесница. И всё-таки, ты не мог бы идти чуть помедленнее? Дэвид резко остановился, терпеливо подождав пока я сравняюсь с ним, после чего окинул меня оценивающим взглядом.

– Еще один ужасный дюйм в области твоей талии и ты официально будешь признана анорексичкой.

– Правда? – повторилась одним и тем же вопросом в течение одной минуты я.

– Правда, – утвердительно хмыкнул Дэвид, после чего мы продолжили свой путь к пляжу. – Ты что, совсем не ешь?

– Наши финансы в принципе не позволяют путешествовать и тот факт, что при этом мы добрались до берегов Дании – это вообще чудо. Мы отдыхаем бомжеватым способом, так что мой внешний вид полностью отражает наши финансы, вернее их отсутствие, – ухмыльнулась я,

расправляя клок своих спутанных локонов, которые с апреля отросли минимум на два дюйма, что было странно, так как прежде мои волосы и ногти не росли с подобной скоростью.

– А откуда вы?

– Из провинциального городка, который расположился в часе езды от Лондона.

– Так вы Британки? Если честно, я так и предполагал – вас выдает ярко выраженный акцент. Я, кстати, сам из Британии, если быть точнее – из Уэльса... А по поводу того, что твоя тётя со мной ровесница, ты ошибаешься. Я минимум на пять лет старше её.

– Ну вот тебе примерно тридцать девять или сорок, так?

– Мне тридцать семь.

– Правда?! Ты выглядишь на все сорок. Ха-ха-хах...

– Чего смешного? – сконфуженно улыбнулся Дэвид.

– Сколько ты дашь мне?

– Двадцать один – два?

– Почти угадал – мне двадцать три... Сколько же ты дашь Сэм?

– Двадцать семь – тридцать?

– Ей тридцать девять – через месяц будет сорок. Так что ты младше нее почти на три года, – впервые после потери Мартина, искренне засмеялась я. – А ты мне тут говоришь: “Я старше твоей тети минимум на пять лет”.

– Выглядит малолеткой, – нахмурил брови Дэвид. – Честное слово.

– Внешность обманчива, – ухмыльнулась я. – Ты сам выглядишь на пару лет старше своего возраста, из-за бодибилдерского телосложения.

– И всё-таки, почему вы отказались со мной отужинать?

– Я не отказывалась – отказалась Сэм, а я с ней во всем солидарна, хотя и не всегда согласна.

– Из-за этой солидарности у тебя скоро кожа ребра обтянет плотную.

– Послушай, я искренне не против съесть чего-нибудь кроме консервированного тунца, так что, может быть, ты еще раз попробуешь пригласить нас? Вдруг прокатит?

– Хорошо, – прищурившись, заговорчески произнес Дэвид, после чего мы обменялись едва заметными улыбками.

Глава 10. Дания. Исповедь

– Девушки, можно пригласить вас на ужин? – спросил подошедший к нам этим же вечером Дэвид, как раз в момент, когда я пыталась открыть неподдающуюся консерву с тушеным цыпленком.

– Да! – восторженно выкрикнула я, увидев мужчину лишь после того, как он приблизился ко мне впрытик и громко задал интересующий нас обоих вопрос.

– Нет, – не оборачиваясь, тут же отозвалась Сэм, продолжая очищать подгоревшую в прошлый раз сковороду.

– Не сдавайся, – одними губами прошептала я, многозначительно округлив глаза.

– Я неплохо готовлю...

– Где-то я уже это слышала, – выдохнула Саманта, после чего еще более яростно начала драить дно дряхлой сковороды. – Глория, я всё слышала. Будь добра, отдай мне тушеного цыпленка.

Я молча протянула банку Дэвиду, жестами попросив его помочь мне откупорить сейф, и уже через секунду получила назад вскрытую банку с до боли опостылевшим цыпленком.

– Может быть, передумаете? – решил еще раз поинтересоваться сосед. В ответ Сэм стойко проигнорировала его настойчивость, после чего Дэвид, похлопав меня по тощему плечу (отчего я едва не рассыпалась), пожал своими крупными плечами, после чего я вернулась к Саманте.

– Почему нет?! – на сей раз, не скрывая своего разочарования, полушепотом поинтересовалась я.

– Если хочешь, можешь идти – я тебя не держу.

Железобетонный довод. Естественно я никуда не пошла, так как мне было легче предать желудок, нежели выглядеть предательницей в глазах своей подруги.

* * *

– Жесткая у тебя тётя, – заметил Дэвид, остановившись рядом со мной, отчего оказался по пояс в воде. Я снова не заметила его появления, из-за чего нервно обернулась, резко оторвав руки от волн.

– Вообще-то она очень дружелюбная. Ты первый человек, на которого она реагирует подобным образом.

Было около шести часов утра и солнце еще только собиралось вставать, но, как и всегда, в это время я уже не спала.

– Надеюсь, у меня еще получится растопить сердце этой недотроги.

– У тебя меньше двух недель.

– Почему так мало?

– Мы на этом пляже провели месяц, так что наши запасы, как и деньги, подходят к концу.

– И куда вы отправитесь?

– По идее, на поиски подработки, чтобы иметь возможность купить билеты до Лондона.

– А если бы не отсутствие денег, куда бы вы отправились?

– Куда угодно, только не обратно в Британию, – предательски тяжело выдохнула я, после чего выбросила вдаль гладкий камушек, прежде подобранный мной на берегу.

* * *

– У него гриль, – тяжело вздохнула я, сидя у костра и наблюдая за тем, как Дэвид размахивает картонкой над небольшим барбекю-грилем. – И почему ты снова отказалась от предложения поужинать в его компании?

– Не соблазняйся на еду, – хмыкнула Сэм, и я неохотно перевела взгляд с гриля Дэвида на свою жестяную банку с недоеденным паштетом и горстку сушек.

– Я и не соблазняюсь, – укутавшись в толстовку, глухо отозвалась я, нервно наблюдая за тем, как наш сосед активно кашеварит.

Когда через полчаса Дэвид направился в нашу сторону с широкой доской в руках, используемой им в качестве подноса, я решила не оповещать сидящую к нему спиной Саманту, чтобы не дать ей возможности заранее придумать очередной остроумный отказ.

– Давайте дружить, – раздался гулкий баритон Дэвида, когда тот был всего в пяти шагах от нас.

– Дружба не покупается едой, – вздрогнув от неожиданности, хмыкнула Сэм, явно учувшая запах жаренного мяса, отчего сердито потеряла нос.

– Я не пытаюсь вас подкупить – я пытаюсь с вами по-человечески пообщаться.

– Ой, спасибо, – радостно заулыбалась я, принимая из рук мужчины огромную фарфоровую тарелку с шикарным стейком, отварным картофелем, овощами и творожным соусом. Сэм мгновенно метнула в меня молнию своим колким взглядом, тем самым заставив меня вжать голову в плечи.

– Не переживай, я не собираюсь тебя отравить, – улыбался Дэвид, разоружая уже почти сдавшуюся Саманту. – Подумай – если ты в очередной раз лишишь Глорию возможности нормально поесть, тогда именно ты будешь виновницей её первого голодного обморока.

Напряженно выслушав Дэвида, Саманта молча приняла тарелку из его рук, всё еще всем своим видом показывая, что ей вовсе и не хочется этого сочного мяса... И вот этой вот нежной картошечки...

Когда же тарелка официально была принята рыжеволосой, Дэвид заулыбался еще шире, после чего раздал нам по вилке с ножом.

– Итак, Максимус Саманта...

– Что значит эта ирония? – хмыкнула Сэм, уже прожевывая картофель.

– Ты ведь просила обращаться к тебе либо “Рыжая”, либо “Максимум Саманта”. Я выбрал “Максимум Саманта”, а так как имя Максимум или Максимус имеет древнегреческие корни, тебя можно смело называть понтификом.

– Ты камикадзе? – неожиданно слишком серьезно спросила Саманта, заставив нас с Дэвидом брызнуть смехом, из-за чего мне в итоге пришлось сжато высмеиваться в кулак.

– Ну как прикажешь наладить с тобой контакт, если ты так упорно сопротивляешься? – всё еще смеясь, поинтересовался у рыжеволосой Дэвид.

– Может быть, никак? – держа тарелку у себя на коленях и при этом разрезая стейк, изогнула брови Сэм.

– Да нет уж, здесь без налаженного контакта точно не обойдется, – ухмыльнулся Дэвид, и в этот момент я заметила, как их напряженные взгляды пересеклись и в точке их пересечения взорвалась мгновенная искра напряжения.

В целом же ужин прошел неплохо. А с учетом того, что я впервые за последние три месяца полноценно наелась, я бы даже сказала, что вечер был просто замечательным. И в итоге спалось мне с набитым животом куда более комфортно, нежели с урчащим.

* * *

Все последующие сутки я с нетерпением ждала вечера, в надежде на то, что Дэвид, которого на протяжении всего дня усердно отгоняла от нашей палатки Сэм, всё-таки придумает, как нас снова накормить. Однако Саманта окончательно и бесповоротно разбила вдребезги все мои надежды на сытный ужин в момент, когда заранее предупредила Дэвида о том, что “сегодня МЫ будем ужинать без него”.

Вечером, после вчерашней вкусной еды, консервированный тунец не лез мне в горло. Поэтому, не смотря на гулкое урчание в животе, я решила перебиться парой сухариков со сладким чаем.

– Вы уже отужинали? – спустя час после ужина подошел к нам Дэвид.

– Тебе-то что? – не унимала свой пыл Саманта, пока я пыталась застегнуть толстовку, параллельно не разломав хрупкую молнию.

– Ты сказала, что вы сегодня ужинаете в одиночестве, а что вы делаете после ужина?

– Ложимся спать под звуки приемника.

– У нас приемник вчера разрядился, – напомнила я рыжеволосой, заставив её буквально испепелить меня взглядом и одновременно поморщиться от неприятного факта.

– Могу подобрать батарейки к вашему приемнику. Не оставлять же вас без связи с цивилизацией.

– Односторонняя связь – это относительное удовольствие, – ухмыльнулась я.

– Почему односторонняя? – скрестил руки на груди Дэвид.

– Мобильные разрядились еще месяц назад...

– Можно зарядить в моем...

– Обойдемся, – оборвала соседа Саманта.

– Просто у нас зарядные устройства украли еще в Берлине, – пожала плечами я, не обращая внимания на нервно покосившуюся на меня Саманту.

– Тащите сюда все свои гаджеты, которые нужно привести в чувства.

– Круто, – обрадовалась я.

– Буду ждать в машине.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась полупшепотом у меня Сэм, когда я залезла в палатку, чтобы отыскать наши мобильные и МР-3.

– Сэм, не будь такой недотрогой. Он ведь неплохой человек и хочет нам помочь взамен на банальное, человеческое общение.

– Ладно, – сдалась Саманта. – Но я к нему не пойду! Вот, держи и мой телефон.

– Но учти, что я задержусь, – предупредила я и тут же начала выдумывать на ходу оправдание. – Телефоны будут заряжаться минимум час, мне что, оставить их без присмотра? На них ведь вся важная информация от номеров телефонов до фотографий...

* * *

– Так и знал, что она не придет, – ухмыльнулся Дэвид, встречая меня возле своего дома на колесах. Следующие полчаса я присутствовала на увлекательной экскурсии по его шикарной обители. Автоматическая коробка передач, дизельный двигатель, цифровая спутниковая ТВ-система, наружное крепление для четырех велосипедов, выдвижной тент, зеркала заднего вида автобусного типа, удобный доступ к техническим отделам, панорамное лобовое стекло, отсек для двух газовых баллонов, вместительное отапливаемое багажное отделение, – и это только внешняя характеристика. Когда мы вошли внутрь, я остолбенела: двойной отапливаемый пол, 2-DIN мультимедийная система с навигацией, розетки 12В и 220В, ЖК-телевизор,

жалюзи на всех окнах (включая кабину водителя), плюс все окна оборудованы москитными сетками и затемняющими шторами, везде и всюду встроена светодиодная подсветка... Что касается планировки – она была гениальна. На самом входе расположилась кухня, на которой помещалась трехкомфорочная плита с раковиной и удобным деревянным гарнитуром, а в сам гарнитур был встроен двухкамерный холодильник, на котором красовалась старая, но ухоженная микроволновка. Справа от кухни была гостиная, с уютным диванчиком, широким креслом без локтей и столиком, над которым висел телевизор и пара закрывающихся полок. Над всей этой красотой расположилась широкая антресоль, служившая двуспальной кроватью, которая была задернута короткими шторами. Эта идеальная кровать-полка нависала перед водительской кабиной, так что совершенно не мешала водителю ровно сидеть за рулем, мало того – он мог свободно встать в полный рост. Вторая кровать расположилась слева от кухни (от входа), и занимала собой девяносто пять процентов пространства отдельной, спальня комнаты, прикрытой дверью. Над кроватью, по всему периметру, висело несколько полок, а под кроватью расположился самый настоящий шкаф (дословно говоря – кровать была оборудована на мини-шкафу). То, что я увидела за дверцей, находящейся между кухней и спальней – это отдельная песня. Настоящая, миниатюрная ванная комната с биотуалетом, душевой кабинкой, контуром жидкостного отопления, зеркалом и раковиной, под которой была спрятана миниатюрная стиральная машина! От увиденного у меня отвисла челюсть и едва не потекли слёзы. Но изюминкой этого шикарного дома была даже не душевая, ей были панорамные окна над кроватями и гостиной (даже в душевой был люк), через которые можно было наблюдать за звездами.

Все внутренности этого шикарного дома на колесах были обшиты натуральным лакированным деревом, поэтому я даже не решалась спросить, сколько стоит эта прелесть и кого именно этому амбалу пришлось замочить, чтобы обрести состояние на покупку подобной роскоши.

Сев в гостиную, мы начали подбирать многочисленные зарядные устройства к принесенной мной девайсам, но в итоге раритетный телефон Сэм так и не удалось подзарядить.

– Последняя модель, – заметил Дэвид, крутя мой айфон в руках. – Впервые вижу нищую туристку с такой дорогой игрушкой.

– Это подарок... Я еще не до конца понимаю, дорог он мне или всё же я хочу от него избавиться, так что до сих пор не продала. Если что, согласен купить?

– Если что?

– Если вдруг решу.

– Сначала реши, – улыбнулся Дэвид, придвинув ко мне брусничный пирог с кружкой молока, после чего взялся за ремонт нашего радиоприемника (оказывается у нас не батарейки сели, а провода отошли). В итоге я съела три внушительных куса пирога, который Дэвид только сегодня купил в городской пекарне, отчего он был очень свежим (я бы съела и больше, если бы на тарелке не оставалось всего два куса, и мне бы не было так неловко лишать нового знакомого его же пирога).

– Значит, вы были в Амстердаме, тусили с проститутками и травести, но не пробовали травку?!

– Сэм пробовала, а я нет, – сидя на ступеньках у выхода вместе с Дэвидом и смотря на звездное небо, криво ухмыльнулась я.

– Почему?

– Ну, знаешь... Обычно у людей, которые потеряли... Что-то... У них срывает крышу и они начинают пробовать запретные плоды, а потом пристращаются к ним... Я же пытаюсь быть “не такой как все”, – снова криво ухмыльнулась я. – Типа особенная... Та, которая не пробует травку с горя. Поэтому я пробовала лишь то, что прежде иногда делала и до того как... В общем – я несколько раз напилась в хлам.

– По-твоему, напиться в хлам – лучше, чем курнуть травку?

– Нет. Просто я не хочу пробовать что-то новое только потому, что мне хреново.

– Тебе конкретно в эту секунду хреново?

– Мне всегда хреново... Но если говорить в целом – ты меня угостил пирогом и заряжаешь мой мобильный, что значит, что уже завтра, спустя месяц, я смогу поговорить с родителями.

– Значит тебе относительно хреново, а не в корень, – резко поднявшись, констатировал Дэвид, после чего скрылся в глубине дома и вернулся уже спустя пару мгновений.

– Это что? – поинтересовалась я, глядя на протянутую мне самокрутку.

– Это самая легкая травка в мире, от которой у тебя не будет привыкания. Я бы тоже закурил, только у меня всего одна – осталась от предыдущего попутчика. Давай, попробуй здесь и сейчас эту гадость, пока тебе не очень хреново, чтобы больше нигде и никогда этого не повторять.

– Да, ты прав, – уверенно кивнула головой я, вытянув из мощных пальцев Дэвида самокрутку. – Спасибо.

Я курила её слишком быстро, инстинктивно боясь того, что из-за угла машины внезапно выбежит отец, чтобы здесь и сейчас всыпать мне ремня за подобную своевольность.

– Красивая сегодня луна, – вдохнув ночной воздух, спустя несколько минут протяжно произнес Дэвид.

– Да, сегодня она потрясающая, – как-то слишком вяло ответила я, после чего поняла, что эта травка не такая уж и легкая, раз изменения в моем акценте были заметны даже для меня. Я точно уже была под кайфом.

– По-видимому, на тебя подействовало, – хмыкнул Дэвид. – Наверное, это всё-таки не самая легкая трава. Тем более ты куришь практически на голодный желудок.

– Краси-и-ивая-а-а лу-у-уна-а-а, – протянула я. – А ты знаешь, что часть её – моя?

– Это как?

– Если говорить точнее – два акра лунной земли мои. Представляешь? Вот такой вот мне подарок сделал... – я осеклась.

– Кто?

– Кто? – непонимающе переспросила я. – А, в смысле кто подарил мне кусок луны? Сейчас я тебе покажу.

Я потянулась за заряжающимся телефоном, лежащем на полу рядом со ступенькой, на которой я сидела, после чего беспощадно выдернула из него зарядное устройство. Быстро шевеля пальцами, я зашла в папку с фотографиями и нашла фото Олдриджа. Эту единственную имеющуюся у меня его фотографию, я сделала в Оттаве, в Шато-Лорье, когда отправляла Тэмми фотоотчет о нашей поездке. Тогда мы еще не знали, что у Мартина нет больше шансов. Фото, сделанное за несколько часов до того, как нам ржавым ножом боли вспороли сердца.

– Крутой, – одобрил Дэвид, глядя на изображение Роланда.

– Да? – поинтересовалась я, приблизив лицо Олдриджа специально для себя, чтобы рассмотреть знакомые черты, но буквально встретившись с изображением Роланда Олдриджа взглядом, резко выключила телефон, от острого клочка боли, внезапно вспоровшего мою грудную клетку.

– Это твой парень? Знакомое лицо...

– Нет, это мой начальник, – тяжело выдохнула я, сделав очередную затяжку. – Бывший...

– Он случайно не основатель ИТ-компании “Freedom”?

– Именно.

– Знаменитая личность в Англии... Миллионер, – констатировал Дэвид. – Значит, просто начальник и ничего большего?

– Сложно в это поверить, на фоне того, что он подарил мне айфон и кусок луны, правда? Но, поверь мне – он просто начальник и между нами даже искры нет. Вернее, не было...

– Значит, тебе хреново не из-за этого человека?

– Отчасти, – выдохнула клубок пьянящего дыма я. – От части его и части меня. От потери этой части. Видишь это? – помотала я перед глазами Дэвида брелком, с кристаллами Swarovski, украшающим мой телефон.

– Дорогая вещичка.

– Намного дороже, чем ты можешь себе представить... По крайней для меня... Обычно ведь от травки хотят смеяться, да? Так почему же мне так хочется плакать?

– Потому, что внутри тебя пусто, – твердо ответил Дэвид, заставив меня нахмурить брови.

– Эту безделушку... Её подарил мне... Мне подарил этот брелок... Один мальчик. Брат моего начальника. Я была его... Няней. Знаешь, он был ужасным подопечным, – попыталась ухмыльнуться я, но вдруг поняла, что к моим глазам подступают слёзы. – Он издевался надо мной: забрасывал легио в камин, разливал чистящие средства в ванной, подкладывал кнопки на стул и смеялся, когда мне было больно... Должно быть он сейчас сильно смеется... Потому что из-за... – я хотела сказать “него”, но осеклась, так как знала, что он здесь не при чем. – Из-за этой долбанной... Мне хреновее некуда, в общем. У него диагностировали эту проклятую аневризму... – я вдруг замолчала, продолжив лишь спустя несколько секунд. – Знаешь, я рассматривала все варианты, кроме того, что это может произойти во сне. Потому что это слишком гуманно, по отношению... Ко всем... В конце концов его аневризма – это закон подлости, а закон подлости никогда не упустит шанса поиздеваться над своей жертвой... Я была права, но лучше бы я ошибалась. Это произошло не во сне... Он... У меня на руках, – я уже во всю хлюпала, растирая слёзы по шершавым щекам и вдыхая горький дым самокрутки, с болью осознавая, что не могу вслух произнести имя своего подопечного. – Он до последнего не знал о приближающемся конце, а мы знали. Это я настояла на том, что мы должны отвезти его в Диснейленд, а в день выезда он... Его не стало, – я слишком глубоко всхлипнула, после чего затаилась в последний раз и выбросила остаток косяка на песок. – Знаешь, а ведь я раньше не умела плавать лишь из-за того, что в детстве чуть не утонула в пруду с утками. Это он научил плавать меня в мои двадцать два... А я со своим Диснейлендом... – я снова замолчала и снова спустя несколько секунд продолжила. – *Он научил меня плавать, а я научила его мечтать без шанса на исполнение мечты – неравноценный обмен, не находишь?*

– Это произошло недавно, да? – тяжело выдохнул Дэвид.

– Четыре с половиной месяца назад... Я... Мне кажется, будто я пересекла невидимую черту невозврата к себе и уже никогда не смогу вернуться... *Самое хреновое – это однажды потерять самую сильную надежду в своей жизни. После подобной утраты ты словно забываешь значение слова “надежда” и превращаешься в застывший кусок пустоты. Говорят, что только не надеющийся ни на что человек, никогда не разочаровывается. Вот только никто не уточняет, что не умеющий разочаровываться, также не умеет искренне удивляться – ведь он вообще ничего не ждет, а когда что-то получает, ему наплевать, ведь он не хотел ничего получить.* Я больше ничего не жду...

Неожиданно Дэвид похлопал меня по плечу, и я криво ухмыльнулась ему, после чего забрала у него из рук радиоприемник, скрутила зарядное устройство и отправилась в сторону палатки.

Сэм попыталась выйти со мной на диалог, но я всё еще была под легким кайфом и, не желая палиться, свела на нет её всяческие попытки поговорить со мной, уже спустя пять минут притворившись спящей. Однако заснуть этой ночью мне удалось не скоро. Я судорожно сжимала в руках свой телефон, словно касаясь теплых воспоминаний, сотканных из солнечных лучей, и иногда по моей левой щеке скатывалась горячая слеза. Было невыносимо больно, ведь я **ВПЕРВЫЕ** после случившегося **РАССКАЗАЛА** кому-то о кровоточащей ране у себя в душе.

Мне в очередной раз захотелось закрыть глаза и никогда больше не просыпаться, но это было выше моих возможностей.

Глава 11. Дания. Мир

Следующее утро стало первым пасмурным утром за всё наше пребывание на пляже. Море шумело под натянутыми, словно на барабан, облаками, но дождя не предвещалось.

После вчерашней травки меня хорошенько подташнивало, и так как у нас не было ни единого средства от банальной тошноты (да что там говорить, у нас была всего пара таблеток от диареи и сверток старого лейкопластыря – вся наша аптечка), я с надеждой отправилась к помахавшему мне рукой Дэвиду. Было достаточно прохладно, поэтому вместо купальника я надела старые, потертые джинсы, перевязанные льняным канатом, и прежде любимую мной футболку, которая от ветра колыхалась на мне, словно на палке.

– Идешь продавать спички? – усмехнулся Дэвид.

– Если бы они у меня были! И это не ирония – мы вчера истратили последние, так что теперь будем поджигать костер при помощи зажигалки, которой хватит максимум на неделю.

– Честное слово, не туристы, а бомжи.

– Просто мы не оцениваем комфорт, как приоритет. Хотя, будь у нас огромные средства, вряд ли бы мы отказались от автодома и гриля.

– На самом деле я тоже нищий.

– Да ну?

– Я продал дом в Уэльсе, чтобы приобрести эту красавицу.

После инцидента с косячком мы с Дэвидом стали много общаться. Я узнала о том, что он был поздним ребенком и свою мать почти не помнит. Его отец скончался на семидесятом году жизни от инсульта, двенадцать лет назад, а старший брат Томас (он был старше Дэвида на девять лет), так и не женившись, и не оставив детей, умер десять лет назад от передозировки кокаином. Отец Дэвида был ученым-химиком и после своей смерти оставил своим сыновьям право владения патентом на лекарственное средство, формулу которого он вывел за пять лет до своей кончины. Это было лекарство от гипертонии, продажа которого, по относительно низкой цене (что способствовало его популярности), была налажена во всем Евросоюзе. Из-за постоянного потока денег у Томаса появилась возможность покупать себе самый дорогой наркотик, но Дэвид только начинал догадываться о том, что с его старшим братом что-то происходит, как вдруг ему позвонили из морга и сообщили о смертельном передозе Томаса. Томас тогда жил в отцовском доме в Уэльсе, а Дэвид снимал квартиру в Лондоне, именно поэтому он не успел вовремя заметить внезапно появившуюся наркотическую зависимость брата. После смерти Томаса, когда Дэвид стал единственным правообладателем патента, он снизил цену на лекарственный препарат еще на тридцать процентов, в итоге сделав его самым доступным для гипертоников. Оказывается, Дэвид был офицером элитных войск специального назначения Великобритании, пока три года назад не уволился из них, чтобы продать отцовский дом и отправиться в путешествие на колесах. Он мог себе позволить не беспокоиться о финансировании своего путешествия, так как ежемесячно получал с патента не менее пяти тысяч долларов. Продав же дом и осуществив свою задумку, Дэвид жалел лишь об одном – что не сделал этого раньше.

Мне с трудом верилось в то, что за тридцать семь лет у этого мужчины было всего шесть девушек и ни единого случайного секса. При этом две из шести девушки бросили Дэвида из-за его вечной занятости на работе, а остальных бросил он – одна увлекалась алкоголем, у второй было пристрастие к ночным клубам, третья украла у него серебряные часы отца, чтобы погасить кредит бывшего бойфренда (часы ему потом пришлось выкупать в ломбарде), а последнюю он застал за изменой в собственной квартире со знакомым сержантом – и это с учетом того, что он с этой девушкой встречался целых два года! После последнего случая, по результатам которого Дэвид накостылял салаге и вышвырнул за порог девушку легкого поведения

вместе со всеми её тряпками, он, наконец, решился на радикальные перемены в своей жизни, посредством затяжного путешествия.

Дэвид был увлекательным рассказчиком. Он в ярчайших красках мог описать то, что я описывала в трех словах. Например, он говорил: “Необыкновенной красоты разлившиеся по небу сливки персикового цвета”, – а я: “Смотри, какие облака!”. При этом он был настолько брутальным и одновременно чутким, что взаправду мог одной рукой колоть грецкий орех, а второй сооружать десятиуровневый карточный домик. В такие моменты я смотрела на него как на представителя мужского пола из другого измерения. Мы с легкостью нашли общий язык и к середине сентября стали настоящими друзьями, хотя сложно было не заметить, что через меня Дэвид пытался проложить дорогу к Саманте, которая всё еще являлась для него неприступной крепостью. Я же была не прочь ему помочь, тем более мне было сложно разрываться между двумя материками, поэтому всячески пыталась свести этих двоих в диалогах (которым было далеко до конструктивных!). Казалось бы – взрослые люди, обоим под сорокет, но вели они себя словно маленькие дети. И Дэвид не был исключением – если Сэм по-детски дулась сама не зная на что, тогда Дэвид походил на мальчишку, который для того, чтобы привлечь к себе внимание, дергал девчонку еще сильнее за её рыжие косички.

* * *

Двадцатого сентября была не самая лучшая погода. Поднялся западный ветер и мы с Сэм лежали в палатке под одеялом, надев на себя вязаные носки и толстовки, чтобы окончательно не околеть.

- Хорошо, что вчера перед сном помылись, – ухмыльнулась Саманта.
- Да уж... Но, если честно, мы уже два месяца моемся морской водой, так что...
- Да-а-а... Нам бы в какой-нибудь спа-салон сейчас.
- Или хотя бы посидеть в ванной, вымыть волосы нормальным шампунем, а не жидким мылом, сделать маникюр и вообще обмазаться увлажняющим кремом.
- Зачем тебе увлажняющий крем?
- У меня руки и губы обветрились.
- И вправду, – утвердительно хмыкнула рыжеволосая, осмотрев мои ладони. – А еще у тебя щеки немного шершавые.
- Почему ты в идеальном состоянии?! – возмутилась я.
- Ну я бы так не сказала... Хотя, да – я определенно в более лучшем состоянии, нежели ты. Это всё потому, что я привыкшая к подобным путешествиям. И еще потому, что не боюсь пробовать что-то новое, в отличие от тебя.
- Ты о чем?
- Например, я пользовалась подозрительным солнцезащитным кремом, а ты нет.
- Ты ведь знаешь, что у меня от него раздражение было. Еще есть примеры?
- Я курила травку, а ты нет.
- Я тоже курила.
- Когда? – округлила глаза Сэм.
- Три недели назад. Меня Дэвид угостил.
- Он давал тебе курить травку?! Я его убью!
- Саманта, ты куда?! – рассмеялась я, глядя на то, как рыжеволосая выпрыгивает из-под одеяла. – У него больше не осталось, – продолжала смеяться я.
- Я ему сейчас устрою, – угрожающе фыркнула Сэм, после чего вынырнула из палатки, сняв с себя носки под мой бурный смех. И так всегда – она кричит на него, а он отчаянно прикрывается сковородой, чтобы ему не прилетел хук слева.

Спустя минуту после ухода Саманты слышались какие-то возгласы, но шум ветра всё заглушал. Я взяла свой телефон и погрузилась в какую-то аркаду. Минута, пять, пятнадцать – Сэм не возвращалась. Я выглянула из палатки и не обнаружила её на пляже. Всё ясно – на сей раз ссора перетекла в машину. Вернувшись назад в палатку и не до конца застегнув вход, чтобы оставить Саманте возможность открыть палатку снаружи, я ухмыльнулась, представив какой разгром она устроит в доме этого бедняги.

Погода располагала ко сну и я даже не пыталась ему сопротивляться. В итоге я проснулась лишь в четыре часа вечера, когда Саманта постучала в палатку.

– Тебя не было два часа! – зевнув, предъявила претензию я. – Что вы... Вы что? – осеклась я, не зная как трактовать странное выражение лица своей подруги.

– Мы помирились.

– Помирились?!

– Да. У нас мир.

Глава 12. Дания. Шторм

Первые пару дней я не представляла, как именно две стихии могли помириться, пока Саманта не начала пропадать из нашей палатки в предрассветные часы, наивно предполагая, будто я ничего не замечаю. Однако в моем присутствии эти двое всё еще корчили между собой холод и натянуто избегали общения друг с другом.

– Да ладно вам, я всё знаю, – ухмыльнулась я, когда Дэвид в очередной раз принес нам ужин к костру, и мы все начали есть в нарочито прохладном молчании (со дня “перемирия” Сэм не запрещала мне вкушать пищу Дэвида и сама трескала за обе щеки, хотя и делала это “неохотно”).

– Ты о чем? – непонимающе поинтересовалась у меня моя тётя.

– Я знаю, что он крадет тебя из палатки около трех часов ночи.

– Что-о-о?! – удивленно засмеялась Сэм, словно я только что глупость сморозила.

– Ой, прекрати, я видела, как вы целовались.

– Это не то, что ты подумала...

– Нет-нет, – оборвал Саманту Дэвид. – Это как раз то, что ты подумала. Взрослый дядя и взрослая тётя присосались друг к другу с целью...

– Дэвид! – мгновенно покраснела Сэм.

– Сегодня ночью я отпускаю тебя на ночевку к Дэвиду, – засмеялась я.

– Я не буду с ним съезжаться!

– Всего одна ночь, – пожал плечами довольный мужчина.

* * *

Впервые за долгие месяцы путешествия я спала одна. И хотя место в палатке освободилось, и теперь никто не дышал мне в ухо, я вдруг ощутила себя словно осиротевшей. Я была искренне счастлива за Сэм и очень надеялась на то, что ей хватит здравого смысла не упустить этого идеального мужчину, но я впервые почувствовала себя одинокой на сто процентов. Прежде со мной подобного еще не случалось. Со мной всегда были рядом родственники, вечно барабанившие в мою дверь, или Сэм, втягивающая меня в неприятности и вытягивающая меня из них же. Сейчас же я ощутила себя позабытой – словно в мире не было ни единого человека, который в эту минуту мог бы думать обо мне...

Нервно вздрогнув от лунного луча, плавно проникшего в палатку, я аккуратно открыла вход, и лунный свет буквально забрызгал мою постель. Было неописуемо красивое полнолуние, озаряющее водную гладь и словно заливающее всё пространство серебром. Интересно, мои два акра луны находятся по эту или по другую сторону ночного светила? Человек, подаривший мне вечное напоминание о себе, видит сейчас ту же луну, что и я?.. Как он?

* * *

Саманта стала ночевать у Дэвида, хотя и вела себя достаточно безрассудно, всем своим видом показывая серьезно настроенному мужчине, что она рассматривает их отношения лишь в качестве кратковременного увлечения.

– Она уже моя, – как-то раз, хитро прищурившись и наблюдая за тем, как Саманта собирает ветки на пляже, констатировал Дэвид, облокотившись о свой дом. – Просто она еще этого не поняла. Но это ничего. Пройдет время и она выкинет из своей рыженькой головки все эти свободолобивые штучки.

Дэвид чувствовал себя хозяином и вел себя как хозяин. Но он был не тем хозяином, который словами доказывает своё главенство, а тем хозяином, который одним своим действием не оставляет ни малейшего шанса на оспаривание принятого им решения. Однако это абсолютно не значило, что он никого не слушал. Наоборот, Дэвид всех выслушивал, делал вывод и только после этого решал, что именно и как будет на самом деле. Саманта только корчила, в буквальном смысле этого слова, из себя главную, при этом сама прекрасно осознавая, что полностью подчиняется воли этого мужчины. Рыжеволосая топала ногой, и всем казалось, будто Дэвид и вправду делает так, как она желает, но на самом деле всё происходило так, как хотел он. Она не хотела ужинать, потому что ненавидела брокколи, и мы не ужинали... По крайней мере брокколи – мы ели бифштексы. Она не хотела идти спать к Дэвиду и не шла – Дэвид сам её переносил. Она не хотела, чтобы Дэвид разжигал костер, и он не разжигал (в мелочах, всё-таки, он ей уступал).

Дни становились короче, а ночи всё холоднее. Температура воздуха по ночам порой падала до десяти градусов. Начались пасмурные дни, из-за которых невозможно было помыться не замерзнув, поэтому с конца сентября я мыла только голову. Правда третьего октября, в день рождения Сэм, погода со второй половины дня была солнечной и безветренной, поэтому нам всё-таки удалось помыться полностью. Естественно мне нечего было подарить своей подруге, за исключением своих сильных объятий, но Дэвид приготовился к этому дню основательно (я его заранее предупредила о значимости этой даты). Под вытяжным тентом у своего дома он организовал настоящий пикник, по окончании которого даже торт с одной свечкой представил. Не смотря на то, что к вечеру поднялся сильный ветер, Сэм всё же умудрилась задуть свою свечу самостоятельно. Я не могла вспомнить, когда в последний раз ела торт (наверное на свой день рождения, в компании братьев Олдриджей), возможно именно поэтому он казался мне необыкновенно вкусным. После плотного ужина последовали песни. Чуть больше недели назад мы выяснили, что Дэвид отличный игрок на гитаре и с тех пор он каждый день учил нас правильно беспокоить струны на его раритетном инструменте. А так как мне делать особо было нечего, я каждый день занималась игрой, сидя на ступеньках передвижного дома, пока недопарочка гуляла где-то неподалеку. В итоге, хоть и по чуть-чуть, но я делала свои первые успехи в музыке.

На следующую ночь после дня рождения, Сэм впервые осталась ночевать со мной. Конечно я испугалась того, что она могла серьезно посориться с Дэвидом, но причина была глубже.

– То есть ты осталась ночевать со мной лишь из-за того, что у тебя критические дни? Не вижу связи.

– Что ты, что Дэвид, честное слово... Я не скрываю того, что между нами возник мимолетный роман и мы друг с другом только ради секса. Поэтому я не вижу смысла ночевать у него без надобности. Ну ты понимаешь...

– Серьезно?

– Да.

– Ты это Дэвиду говорила?

– Да.

– И что он?

– Говорит: “Конечно-конечно”, – после чего улыбается или хмурится и разводит руками. Я даже не уверена в том, что он меня понимает.

– Зато я уверена в том, что ты не понимаешь его. И после этого вы еще меня дурой называете.

– Когда это я называла тебя дурой, и кто это “мы”?

– Ты и Эмилия, на девичнике Тэмми.

– Это когда я говорила, что Олдридж хочет тебя сожрать от страсти...

– Забей, – фыркнула я, резко отстранившись от рыжеволосой и она сразу же замолчала.

Каждые новые сутки становились всё более холодными, а седьмого октября даже пошел холодный дождь. Дэвид настаивал на том, чтобы мы перебрались жить к нему, убеждая нас, что в его машине хватит места на четверых мужиков, не то что одному громиле, одной рыжей щепке и половинке подростка, но Саманта не собиралась так легко сдаваться в его цепкие руки. Она ясно дала понять парню, что предпочитает мерзнуть в трясущейся от ветра палатке, кутаться в те немногие теплые вещи, которыми мы обладали (всего пара толстовок на двоих и тройка носков) и греться у костра вместо обогревателя, нежели принимать хоть какую-то помощь от него. Исключением стал плед, который Дэвид злостно швырнул в нашу палатку, когда мы укладывались спать, не дав ни единого шанса на сопротивление со стороны Сэм, за что я была ему искренне благодарна. В конце концов от упрямства рыжей страдала и я. Больше всего на свете в сложившейся ситуации я боялась заболеть, так как денег на банальную аспиринку у нас не было. Вывод: простуда подобна гибели. Поэтому когда на пятый день промозглой погоды я начала чихать, от страха моё сердце упало в пятку и впечаталось в песок. Я сразу же начала нервно просматривать наши закрома: пару евро, горстка датских крон, несколько банок тушенки, бутылъ пресной воды и сушки. Британская земля вдруг замаячила у меня перед глазами, и в груди сжался комок паники. “Нет-нет-нет... Только не туда... Только не обратно!” – Проносилось у меня в голове всякий раз, когда Сэм заговаривала о том, что через пару дней нам придется сворачивать свой лагерь. А делала она это с каждым днём всё чаще.

На шестую ночь после беспросветной серости со дня рождения Саманты, мы проснулись от громких хлопков. От страха, я вся съежилась – казалось, будто где-то над нашими головами выпаливает настоящая пушка. Этой пушкой оказался Дэвид. Он хлопал в ладоши над нашей палаткой и что-то кричал. Из-за страшного шума, по-видимому, принадлежащего внезапно разгулявшейся непогоде, я на несколько секунд потерялась в пространстве.

– Дэвид? – протянула Сэм, всматриваясь в мой мобильный. – Пять утра, что ты...

– Сэм, – испуганно окликнула рыжеволосую я, почувствовав под собой ледяную сырость. Мы спали в воде!

– Вам жить надоело? – сквозь дикий порыв ветра и рычание разбивающихся волн, прокричал Дэвид, после чего Саманта резко открыла палатку и выскочила из нее, потянув за собой и меня. Кромешную тьму разрезал только свет фар заведенной машины Дэвида. С неба лились потоки воды, а волны разбушевавшегося моря были настолько высоки, что добежали на пять шагов дальше нашей палатки. Как нас до сих пор не затянуло в море – было не понятно. Мы инстинктивно стали собирать вещи, которые промокли до последней нитки. Внезапно Дэвид вдруг схватил палатку и, не разбирая, потащил её в сторону своего дома. Наскоро засунув всё и в без того заполненное, багажное отделение, мы с Сэм нырнули внутрь машины, пока Дэвид всё еще возился с палаткой. Только сейчас, оказавшись в жгучем тепле, я вдруг поняла, что промерзла не то что до костей, а насквозь. У меня, в буквальном смысле, зуб на зуб не попадал. В ожидании Дэвида мы встали у самого входа на кухне, не решаясь пройти внутрь. Примерно спустя пять минут Дэвид резким движением открыл дверь и вошел внутрь мокрый, словно его только что окатили из ведра.

– Вы еще не переоделись?!

– А должны были?! – с вызовом начала Сэм.

– Должны, – мгновенно оборвал её Дэвид, после чего стянул с себя куртку, заставив и нас снять свои промокшие толстовки. После он отправился в сторону спальни, и я видела, как он вытаскивал какие-то вещи из подкроватного шкафа. Через пару секунд Дэвид выдал нам по огромному махровому полотенцу с мочалками и приказал по очереди идти в душ. Меня долго уговаривать не пришлось – я буквально влетела в душевую комнату первой. Раздевшись, я приоткрыла дверь и бросила комок мокрой одежды в коридор на пол, рядом с чистой футболкой, которую любезно предоставил мне Дэвид.

Душ я принимала не дольше десяти минут, но это были самые чудесные десять минут за прошедшие месяцы (за исключением ужинов в исполнении Дэвида). Я вымыла волосы каким-то мятным мужским шампунем, тщательно проскребла себя мочалкой и трижды обдалась горячей водой. Я могла бы простоять под душем еще час, если бы не переживала за количество горячей воды, которой должно было хватить на троих.

Когда я вышла, Дэвид копался в холодильнике, Сэм же с надутыми щеками прошагала в сторону душевой, параллельно подобрав мои вещи, чтобы забросить их в стиральную машинку. Я еще раз поправила на себе огромную футболку Дэвида (она почти доставала мне до колен!), которая смотрелась на мне, как громадный балахон.

– Горячее молоко? – поинтересовался Дэвид, не смотря на меня.

– Было бы не плохо.

– Твою ж мать! – выдохнул мужчина, переведя на меня взгляд. – Ты как из фильма “Звонок”, честное слово! И чего же ты такая худющая? Еще минус несколько грамм и ты в стадии анорексии. Говорят, что перед сном есть нельзя, но я тебя определенно накормлю. Уж лучше спать с полным желудком, нежели поутру отбивать его от спины или вовсе проснуться прозрачной. Встань-ка на весы, – попросил мужчина, после чего вытянул из-под кухонного гарнитура напольные весы. – Какой у тебя рост?

– Метр семьдесят один.

– Сорок восемь килограмм?!

– И сто грамм...

– Ты издеваешься?!

В начале апреля я весила шестьдесят семь, выходит, что за полгода я сбросила целых девятнадцать кило.

* * *

– И это всё? – глядя на то, как я отодвигаю от себя оставшиеся полкружки молока и кусок пирога, удивленно поинтересовался Дэвид.

– У меня ведь не зверский аппетит.

– Ты когда в последний раз ела горячее?

– Мы с Сэм каждый день завариваем чай... Кстати, как она? – заговорчески прошептала я, решив отвести тему подальше от моего истощения. – Дуется?

– Подуется и перестанет, – махнул рукой Дэвид как раз в тот момент, когда Саманта вышла из душа.

– Будешь? – поинтересовался мужчина у рыжеволосой, указав пальцем на яблочный пирог.

– Нет, – хмуро ответила Сэм, скрестив руки на груди. Она была в просторной рубашке Дэвида, которая на ней больше походила на платье огромных размеров.

– Тогда распределяем спальные места.

– Я сплю с Глорией.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Дэвид и указал нам рукой на спальню. – Вы спите в спальне, а я на антресоли над гостиной.

Сэм сразу же молча развернулась и отправилась в спальню. Я уже встала, чтобы последовать за ней, но Дэвид незаметно остановил меня.

– Ты спишь над гостиной, – шепотом произнес он, наклонившись ко мне и заговорчески заглянув мне в глаза. У него были такие красивые голубые глаза, что я улыбнулась от мысли о том, какой же красавец всё-таки достался Саманте.

Я потихоньку вскарабкалась на антресоль и закрылась натяжной шторкой, перед этим заметив, как Дэвид закрывает за собой дверь в спальню. Я досчитала до пятидесяти – тишина.

Значит, у него всё получилось. Замечательно. Потянувшись к выключателю над головой, я отключила свет, укрылась невероятно мягким, теплым одеялом и провалилась в глубокий сон.

Глава 13. Переезд

Я удивилась тому, что умудрилась проспать до десяти часов. В последний раз я спала так долго в Амстердаме у Флёр, но это было так давно, что казалось странным сном. Спустившись вниз я поежилась от холода, прошедшего по моим голым ногам. На кресле я обнаружила свои джинсы, футболку, кофту, нижнее белье и пару носок, торчащих из порванных кед – по-видимому всё, что умудрилось не намокнуть этой ночью. Убедившись в том, что в машине никого нет, я по-быстрому переоделась и поняла, что холод идет от открытой настежь двери.

– Доброе утро, – поздоровался со мной Дэвид, явно пребывающий в приподнятом настроении.

– Что она делает? – поинтересовалась я, сев на ступеньку у входа, наблюдая за тем, как Сэм, сидя в ближайших кустах, собирает остатки нашей разобранной палатки.

– В общем, у нас тут такой расклад – у вас нет денег на то, чтобы вернуться в Британию. Саманта попросила у меня в долг на билеты, и я согласился ей одолжить, только...

– Только?

– Взамен с вас генеральная уборка, – как-то хитро подмигнул мне Дэвид, тем самым давая мне понять, что уборка – это какая-то уловка высшего уровня, которую я еще не до конца понимала. – Саманта уже перебрала ваши вещи, постирала и развесила их в душевой, так что не советую туда соваться, и, судя по всему, почти закончила копошиться с палаткой.

– Что осталось мне?

– Тебе? Даже не знаю... Можешь протереть пыль, правда её у меня нет...

– Еще я могу приготовить завтрак.

– Верю, но давай не сегодня. Хочу сегодня узнать, как готовит моя будущая жена, – тяжело вздохнул Дэвид, посмотрев в сторону Сэм, которая нервно швыряла железные прутья в одну кучу.

– Ха! – только и смогла ошарашенно ухмыльнуться в ответ я, не до конца понимая – это он серьезно или так шутит?

Пыли в апартаментах Дэвида и вправду не оказалось. Я протиснулась абсолютно во все щели, но тщетно – было стерильно чисто.

Не смотря на наличие огромного количества еды в холодильнике, мы ели банальную яичницу, которая должна была выразить протест Сэм по поводу того, что именно она должна готовить завтрак. Плюс ко всему, рыжеволосая специально пересолила порцию Дэвида, пока тот не видел. Она высыпала чайную ложку соли с горкой в его тарелку и уже готовилась праздновать победу, но Дэвид с серьезным выражением лица прожевал свой завтрак, после чего твердо заявил, что это была самая вкусная яичница в его жизни. После услышанного у меня отвисла челюсть (я даже не пересоленную яичницу в исполнении Саманты еле как проглотила, так как она её еще и специально пережарила). Осознав своё поражение, рыжая недовольно фыркнула, после чего попросила у Дэвида сто датских крон в счет долга, чтобы отправиться в город и купить основной паек для нашего отбытия в Британию, которое должно было состояться завтра. От одной только мысли о том, что нам предстоит перелет в Лондон, у меня резко сжался желудок. Хотя, может быть, это был всего лишь результат плохо усвояемой яичницы. Дэвид выдал Саманте просимую ей сумму, после чего я отказалась идти с подругой в город, ссылаясь на кашель, который обрела вчера ночью, и на промозглую погоду. Саманта благополучно приняла мои объяснения в качестве уважительной причины и, надев свою старую куртку с еще более старой бейсболкой, отправилась в город, сказав, что задержится там до вечера, что, по-видимому, должно было значить, что она не хочет находиться под крышей дома Дэвида и чувствовать себя под его опекой.

У меня и вправду был сильный кашель. Помня горький опыт с Германией, я боялась жестких последствий вчерашней ночи, поэтому в течение дня беспрекословно пила неизвестные мне шипучки, которые подсовывал мне Дэвид.

Саманта вернулась в пять часов и решила с нами разделить игру в карты, в итоге постоянно проигрывая мне или Дэвиду. Раньше ей постоянно везло в играх, в Эрфурте она минимум два десятка раз обыграла Тайлера, поэтому сейчас рыжеволосая не могла смириться со своими поражениями, пока, наконец, не начала отыгрываться. А делать это она стала лишь около девяти часов вечера, когда все булочки с маком и литр лимонного чая исчезли со стола. Не дожидаясь пока Сэм доиграет партию с Дэвидом, я встала со своего места и полезла на кровать.

– Завтра встаем в семь утра, – проводила меня тяжелым взглядом Саманта, после чего твердо добавила. – Британия ждет.

Лучше бы она этого не говорила. От одной только мысли о завтрашнем дне моё сердце срывалось с ниточки и катилось в сторону печени. Я настолько не хотела возвращаться домой, что в мою голову даже начали забираться мысли о побеге, но они были настолько безумными, что я прекрасно осознавала всё своё бессилие. Бессилие... Слово, таящее в себе ужас.

Я аккуратно забралась на свою антресоль, пытаюсь не забывать о том, что одно резкое движение может стоить мне шишки на лбу, после чего еще минут пять вертелась, чтобы стянуть с себя одежду. Следующие полчаса я корчилась от душевного стога, пытаюсь подавить его сном, что, в итоге, у меня всё же получилось.

* * *

Я проснулась от неопознанной моим организмом тряски. Протирая глаза, я посмотрела на микроскопический светящийся циферблат, мигающий на правой стене антресоли от меня, показывающий ровно половину шестого. С мыслью о том, что можно спать еще полтора часа, я залезла с головой под одеяло и вдруг резко сдернула его с себя, уставившись в панорамное окно над головой – луна, звезды и рваные облака словно бежали за мной. Только заметив это я расслышала звук мотора и поняла, что мы движемся. Пару раз стукнувшись головой о низкий потолок, я надела штаны с футболкой и, схватив толстовку, спустилась вниз, едва не свалившись на кресло в гостиной. В машине было относительно темно, поэтому я дважды стукнулась ногой о разные косяки, пока оказалась у водительского сиденья. Дэвид сидел за рулем и, услышав моё приближение, обернулся, после чего буквально рассек темноту своей белоснежной улыбкой.

– Ты куда это? – непонимающе-сонным голосом поинтересовалась я.

– Не я, а мы. Присаживайся рядом.

– Куда это мы? – послушавшись указания Дэвида и сев на сиденье рядом с ним, перефразировала свой вопрос я.

– В Австрию.

– Куда?!

– В Германии я уже был, да и вы побывали, так что мы едем в Австрию.

– Ты что... Типа нас берешь с собой?

– Нет. Я типа вас краду с собой, – ухмыльнулся Дэвид. – Просто ты, в отличие от Саманты, чутко спишь.

Слова Дэвида заставили меня улыбнуться. Я не могла не улыбаться, ведь мой кошмар отодвинули на несколько тысяч миль – теперь мне не придется возвращаться домой, чтобы сидеть в своей комнатке в подвешенном состоянии, с навязчивой мыслью о том, что я определенно не знаю, кем могу быть в этой жизни, если только не разбитой копилкой счастья.

Заварив себе и Дэвиду крепкий чай, и разлив его по термокружкам, я села на переднее сиденье и, подобрав под себя ноги, начала наблюдать за ночной дорогой. Ночь была чудесная

– луна светила на тысячу ватт, отчего казалось, будто мы пробираемся по залитой серебром, сумеречной дорожке.

* * *

В семь часов, когда уже достаточно рассвело, мы решили припарковаться на ближайшей остановке, чтобы избавиться от излишков чая в организме (всё-таки англичане определенно помешаны на чаепитии). Оставалось всего пятьдесят метров до остановки, когда за нашими спинами послышались уверенные шаги Саманты, заставившие меня интуитивно спустить свои ноги с панели и вжать голову в плечи. “Вот бы не психанула, вот бы не психанула!” – проносилось у меня в голове, пока Сэм мерила шаги в нашу сторону.

– Что здесь происходит? – наконец прозвучал ожидаемый вопрос над нашими головами.

– Он нас похищает, – переведя взгляд с серьезного Дэвида, паркующегося в десяти метрах от туалета, ответила рыжеволосой я. – Вернее не нас, а тебя. Я-то ему и даром не сдалась... Просто приданое.

Сэм всё еще находилась в рубашке Дэвида, но уже застегивала ширинку на своих драных джинсах и делала это так мощно, что даже Дэвид прищурился, посмотрев в зеркало заднего вида.

– Я в туалет, – резко метнувшись мимо рыжеволосой, выбежала из машины я, не желая наблюдать за тем, как мои надежды на безоблачное будущее, в виде следующих пары недель, рассыпаются в прах.

Утро было застывшее-промоглым, поэтому я решила отправиться к туалету трусой, чтобы лишней раз не дать своему организму повода для заболевания, тем более кашель меня всё еще мучал. Я впервые в жизни так радовалась общественному туалету, считая его кристально чистым и уютным (естественно, два с хвостиком месяца корячиться в пляжном биотуалете!). Тщательно вымыв руки, я битых пять минут стояла напротив зеркала, держа ладони под потоком горячего воздуха, изрыгаемого электросушилкой. За последние пару месяцев я отвыкла от собственного отражения и сейчас замерла, увидев перед собой неизвестную мне девушку – густые локоны переплелись между собой, словно канаты, ногти на руках забыли о значении слова “маникюр”, губы потрескались от морской воды, кожа рук превратилась в наждак, но самым страшным было даже не это. Самым страшным была моя резкая перемена в весе. Передо мной стояла тощая девчонка лет восемнадцати, с обострившимися скулами вместо милых щечек и огромными сизыми глазами, которые не выражали ничего, даже боли. Те вещи, которые прежде сидели на моей фигуре впритык, теперь висели на мне сплошным балахоном, словно я была вешалкой – штаны буквально приходилось подвязывать на костлявых бедрах веревкой-канатом.

Я только успела погрузиться в мысли о том, как успешно запустила свою внешность за прошедшие полгода, как вдруг входная дверь открылась и Сэм прошагала мимо меня, ни единым движением не подавая намека на то, как прошли её дебаты с Дэвидом. Ожидая её выхода из кабинки, я снова поднесла руки к автоматическому крану, после чего повторно принялась их сушить. Примерно через минуту послышался резкий спуск воды, и спустя несколько секунд Сэм встала в паре шагов от меня, начав невозмутимо вымывать свои руки. Я наблюдала за ней через зеркало, круто облокотившись левым плечом о стену и, под гулкий шум работающей перед моим лицом сушилкой, пыталась понять, какова моя дальнейшая судьба (а она напрямую зависела от решения Саманты). Наконец, мы встретились в отражении взглядами и спустя пару секунд Сэм начала широко улыбаться мне, словно я застала её с поличным. Мы перевели взгляд друг на друга, и Саманта стряхнула на меня воду со своих рук, давая понять, что мне необходимо отвалить от сушилки. Я сделала шаг назад и, облокотившись спиной о холодную

плитку, начала наблюдать за краснеющей тетей. Сэм так редко в своей жизни краснела, что для меня это было чем-то наподобие северного сияния в Европе.

– И что значит твоя улыбка? – хмыкнув, заговорчески улыбнулась я.

– Это значит, что твоя тетка сошла с ума.

– Да ну-у-у...

– В общем... Меня никто и никогда в жизни не похищал, поэ-э-это-о-ому-у-у...

– Ты в него влюблена?

– Нет.

– Нет?

– Не при малолетних будет сказано: я не влюблена – я люблю.

– Кто тут малолетний?! – наигранно возмутилась я. – Сама-то корчила из себя не пойми что...

Мы вернулись в “наш” дом на колесах прежде, чем Дэвид успел возвратиться первее нас. Когда он пришел, они с Сэм буквально впились друг в друга губами, отчего мне вдруг стало неловко (я еще ни разу в жизни не видела, как Саманта пытается кого-то съесть у меня на глазах).

– Кто рискует – побеждает!⁹ – улыбнулся мне Дэвид, и я сразу же поняла, что Сэм по уши влипла.

⁹ Девиз войск специального назначения Великобритании.

Глава 14. Транзит

Под Ганновером мы попали в страшную пробку, в которой пришлось проторчать целых пять часов. После первого часа, когда стало ясно, что мы двигаемся со скоростью черепашки, которой откровенно далеко до ниндзя, я залезла на свою антресоль-кровать, оставив новоиспеченную парочку наедине. Рассматривая тусклые капли прошедшего недавно дождя, которые серебристыми бусинками рассыпались по панорамному окну над моей головой, я не заметила, как заснула. Проснувшись через два часа и узнав, что мы всё еще в заднице, я разделила обед со своими спутниками. Сэм никогда не отличалась супер-способностями в готовке, но на сей раз её омлет был изумителен. Раньше, из-за недостатка еды, мне казалось, что я способна съесть слона, лишь бы потушить урчание в желудке, сейчас же я поняла, что для этого достаточно всего лишь сто грамм омлета и кусочка ветчины. По-видимому, за время, которое я прожила впроголодь, мой желудок сжался до размеров горошины и теперь отказывался съесть больше, чем на это была бы способна церковная мышь. Однако на аппетит Сэм почти ничего не могло повлиять, за исключением плохого настроения. Она по-прежнему уплетала вполосину больше моего и, не смотря на калории, совершенно не набирала в весе. За прошедшие полгода она похудела максимум на пять кило, в то время как я потеряла девятнадцать! Возможно, всему виной была неприспособленность моего организма к подобным шатаниям по миру или же всему виной было моё горе.

Всё это время мы активно переписывались с Тайлером (за исключением месяца, в котором наши телефоны были лишены питания). Вообще переписка была относительной, так как я вроде как утратила функцию, которая отвечала за длительную поддержку даже самых интересных диалогов. Поэтому Тайлер всегда писал мне первым, узнавая как у нас дела, где мы и что делаем, а когда не получал от меня ответа (каждый второй раз) он вступал в переписку с Сэм, которая с удовольствием обменивалась с ним фотоотчетами. Поэтому не удивительно, что проезжая поворот на Эрфурт возле Кирхгайма, Сэм вспомнила о нашем общем знакомом и захотела с ним списаться, но я вовремя убедила её в том, что лучше этого не делать, так как предчувствовала, что эта переписка может стать фатальной для нашего времени – в итоге мы повернем на Эрфурт и задержимся там в навязчивом обществе доброжелательного Тайлера Купера.

С домом связь снова возобновилась – регулярно один раз в неделю мы разговаривали с домашними по часу-полтора. Сэм в основном рассказывала наши новости, после чего трубку брала я и слушала домашние сплетни. У них всё было хорошо и этого было достаточно для моего душевного спокойствия.

* * *

В Вену мы въехали в половину двенадцатого. Мы выбрали для стоянки кемпинг Вена-Вест, так как он находился всего в двадцати пяти минутах от центра города, в непосредственной близости от многочисленных пешех и веломаршрутов и, плюс ко всему, он располагался на окраине Венского леса. Правда расценки здесь слегка кусались – 8.50 евро за автомобилем. Дэвид оплатил место до начала декабря, отдав кругленькую сумму за данное удовольствие. Но, по-видимому, эта сумма казалась кругленькой только для меня, так как Дэвид даже не успел понять, в чем суть моего негодования.

– Ты платишь за нас троих, – неудовлетворенно заметила я, пока Сэм отлучилась в туалет. – Мы должны скинуться.

– Откуда вы должны скинуться? Только не бросайся со своей антресоли.

– Нет, я серьезно...

– Забей. Если бы я парковался один, с меня бы взяли ту же сумму.

– Но продукты питания, бензин... Да вообще всё оплачиваешь ты один.

– Не прошло и суток, а ты уже начинаешь развозить феминизм по салону моей машинки.

Знай, что я только за его умеренность.

– То есть?

– То есть я согласен с тем, что женщина имеет право голоса, но определенно против того, что он может быть решающим.

– Воу-воу-воу... Что я слышу, – ухмыльнулась появившаяся в дверях Сэм, явно не согласная с мнением своего бойфренда.

– Ты моя гражданская жена и мы до сих пор не зарегистрировали брак лишь потому, что ты должна больше узнать о моем взгляде на отношения между женщиной и мужчиной.

– Я даже не заметила, когда успела стать твоей гражданской женой, – хотела парировать Сэм, но Дэвид её оборвал.

– В тот момент, когда мы переспали. Итак, перед браком ты должна уяснить, что главный в семье мужчина.

– Перед браком, ты должен уяснить, что это только видимость, – ухмыльнулась Саманта.

– Я совершенно с этим согласен, – неожиданно выдал Дэвид.

– Что?! – дружно выпалили в один голос мы.

– *Главная в семье женщина, – продолжил удивлять нас Дэвид. – Она создает стержень внутреннего мира пары. Мужчина же создает бронированную обертку для этого стержня. Это и есть залог успеха. Женщина должна не только быть капитаном внутреннего мира пары, но и не мешать мужчине создавать видимость того, что капитан именно он. При этом капитаном себя должен чувствовать не только он, но и окружающие его люди. Абсолютно всё равно, что он и общество считают его главным – капитан всё равно женщина. Главное, чтобы все думали наоборот. Невидимое должно в корне отличаться от видимости, понятно?*

– Понятно, – кивнула головой я, разинув рот.

– Замечательно. Раз все всё усекли, значит, никто никому не будет мешать играть свои роли. Я – мужчина, Сэм – женщина, а ты – то ли младенец, то ли подросток – я пока не определился. Итак, я создаю бронированную обертку для наших отношений. Вот деньги, завтра возьмете велосипеды напрокат, они здесь по доступной цене, и отправитесь привести себя в порядок – купите себе нормальных шмоток, кремов и прочего барахла, которое сможет вывести вас из бомжеватого вида – это касается тебя, Глория. Саманта всегда прекрасна, даже в мешковине.

– После твоих слов я чувствую себя хуже оборванки, – поморщившись, призналась я.

– Зато я себя чувствую королевой, – улыбнулась рыжая. – А ты что будешь делать?

– Высыпаться.

– Весь день?

– Да. Я за рулем пробыл тринадцать часов и я планирую переутомиться ночью, так что, прошу, избавь меня от шопинга, – твердо произнес Дэвид, после чего встретился с многозначительным взглядом Сэм и добавил. – Пожа-а-алуйста. Умоляю, мой капитан, не подвергайте меня мукам.

– Только сегодня ночью, – улыбнулась Сэм, пока я распутывала наушники. Хорошо, что я приняла душ в дороге! На фоне бушующих гормонов этой парочки у меня сейчас точно не было шансов помыть голову.

– Ребята, можете шуметь – ближайший час я буду слушать музыку на всю мощность, после чего успешно отключусь, – криво улыбнулась я.

Дэвид сопровождал Саманту до спальни и закрыл за собой дверь, пока я поспешно распутывала провода наушников, чтобы не услышать ничего лишнего и мне повезло – под звуки тяжелого рока не было слышно ни единого возгласа или скрипа и вскоре я заснула легким сном.

Глава 15. Австрия. Вена

Утро было прохладным, с солнечным рассветом, который намекал на теплый день. В половину девятого мы арендовали велосипеды и направились в город. Зайдя в огромный торговый центр, я словно очутилась в эпицентре цивилизации, с которой не контактировала последние пару месяцев. И хотя Дэвид дал нам достаточно денег, чтобы обмундировать триста спартанцев, мы всё равно бродили по полупустому торговому центру в поисках самого дешевого магазинчика. Я никогда не любила толпу, поэтому была рада тому факту, что раннее время буднего дня способствует отсутствию покупателей, что равнялось снижению шума до минимума.

Мы уже хотели отправиться в менее дорогостоящий торговый центр, когда нашли на нижнем уровне, в самом углу под лестницей, стоковый магазин. Кроме нас, пары хипстеров и сурового байкера здесь никого больше не было, если не считать трех консультантов. Торговое помещение было просторным и в нем можно было найти всё от нижнего белья до курток. Перемерив с тонну шмоток, я словила себя на мысли о том, что в последний раз занималась шопингом на Виргинских островах, в тот день, когда Мартин едва меня не утопил. Отогнав эти мысли в потаенный уголок моего угнетенного сознания, я продолжила натягивать штаны. Оказалось, что на мою костлявую задницу умудряются подходить джинсы с манекена, а футболки я могла примерять детских размеров. Самым большим минусом моего резкого похудения неожиданно стало то, что моя пышная грудь вдруг ужалась с третьего размера до второго, о чем предательски свидетельствовал кружевной лифчик, в котором моя грудь буквально утопала. Подумаешь! Зато в хлопковом бюстгальтере моя грудь выглядела потрясно!

В итоге я купила себе пару джинс, три футболки, новую толстовку, способную первое время заменить куртку, зимнюю куртку, теплую обувь, вязаную шапку с широким отворотом, перчатки, набор носков, пару лифчиков и несколько трусов. И хотя Сэм набрала себе в половину больше моего, у нас на руках всё еще оставалось тридцать пять процентов от общей суммы, выданной нам Дэвидом, десять процентов из которой мы впоследствии успешно потратили в косметическом магазине.

Нами было решено осмотреть город на следующий день, поэтому сразу после покупок мы вернулись к Дэvidу, который уже ожидал нас с обедом (хотя уже было три часа дня). Остатки дня мы мылись, стирались, сушились, приводили кожу в порядок разнообразными кремами и постоянно что-то жевали. Я нашла у Дэвида коллекцию из десяти книг, три из которых я прежде уже читала, и взяла себе для прочтения самую незнакомую из них. В итоге, сразу после ужина, я отключилась на своей антресоли с книгой на голове.

* * *

К началу декабря Вена успела нам прискучить, не смотря на то, что благодаря Дэvidу мы расширили свой туристический диапазон – теперь мы могли посещать музеи (раньше обходились без подобной роскоши) и пробовать не самую дешевую местную кухню (прежде отдавали предпочтение фастфуду).

Итак, вещи, которые мы сделали за двадцать один день:

1) Ощутили на себе гастрономические прелести Австралии, которые, кстати, прибавили мне сто грамм к весу. Венские колбаски были настолько разнообразными, что едва ли за прошедшее время мы успели перепробовать все их вариации, венский же кофе, по сравнению с Амстердамским, оказался неопишимо вкусным. Шницель из телятины – это вообще отдель-

ная песня. За три недели мы пробовали его трижды и все три раза его размеры превышали размеры тарелки, на которой он лежал, а его вкус каждый раз производил мощный эффект на мои рецепторы.

К концу ноября мы добрались до винодельни и безбашенно просадили пятьдесят евро на пару бутылок вина, которое потом успешно осушили в доме. Я снова напилась, но на сей раз это было не в виде пьяного угара в каком-нибудь клубе за счет пускающего слюни сопляка. Напившись вместе с Дэвидом и Самантой, я мило улыбалась, смотря французскую комедию, пока мне не захотелось плакать и я не отправилась на свою антресоль, чтобы благополучно отключиться.

2) Минимум три раза в неделю мы все вместе проводили время в Венском лесу, хорошо известным по произведению Штрауса “Сказки Венского леса”. Не смотря на то, что это удовольствие было абсолютно бесплатным, оно же и являлось самым чарующим. Я гуляла по лесу почти каждый вечер, чтобы не мешать Дэвиду с Самантой в их любовных играх.

Естественно я с самого начала прекрасно понимала, что являюсь для Дэвида всего лишь дополнением к Саманте. Изначально я думала, что я такое дополнение, которое поначалу может неплохо пригодиться и, если всё получится в процессе покорения рыжеволосой, позже начнет становиться обузой. Но обузой я всё еще себя не чувствовала, чему была благодарна учтивому Дэвиду и сердобольной Саманте, а вот одиночество начала ощущать сильнее, так как с некоторых пор всё внимание этой парочки было заиклено исключительно друг на друге.

3) Пару раз побывали на блошином рынке, где Дэвид приобрел неплохой ручной фонарь и какие-то инструменты, а Сэм купила милого садового гнома для мамы. Я же ничего не покупала и вообще сузила свои желания лишь до гастрономических потребностей, всякий раз, с трудностью принимая от Дэвида какие-нибудь сувениры в виде брелка или магнетика.

Рынок Kettenbrückengasse (Naschmarkt) – это вообще нечто невообразимое. Здесь можно найти всё от спичек до мобильных телефонов, но мы старались оказаться на нем с утра пораньше, чтобы потом не быть затоптанными толпой туристов.

4) Побывали в музее музыки, музее современного искусства, имперской сокровищнице и музее Моцарта. Если честно, на музеи, как на развлечение, мы потратили больше всего средств, а большим удовольствием всё равно оказалось бесплатное посещение Венского леса. Конечно, на фоне всех музеев запомнилась именно сокровищница, своими драгоценностями императоров Священной Римской Империи X/XI веков – имперскими клейнодами и так называемыми Бургундскими реликвиями с регалиями ордена Золотого руна: имперской короной, крестом и мечом. Потом полночи снился десятый век с дамами в шелковых платьях.

5) На фоне прекрасного здоровья (мой кашель к тому времени прошел) мы рискнули бесплатно сходить в оперу. Стоячие места в Венскую оперу продаются за полтора часа до начала и стоят всего три евро. Огромная толпа народа собирается с торцевого входа и “терпеливо” ждет открытия касс. Мы специально пришли за два часа до начала и в итоге не прогадали – приобрели заветные билеты в числе первой десятки счастливиц, пока остальные участвовали во всеобщей давке.

6) Дважды прокатились на трамвае “Д” – главном экскурсионном маршруте, проезжающего мимо основных достопримечательностей (Ратуши, Университета, Парламента, Дворца, Бельведера, Оперы). Еще мы не миновали вниманием трамваи № 1 и № 2, у которых также были весьма неплохие, хотя и менее насыщенные маршруты.

По сути, каждый день мы открывали для себя что-то новое в этом прекрасном городе, но к концу ноября начали повторяться: гуляли по набережной от Roßauer Lände до Schweden platz; ели мороженое у Zanoni & Zanoni; катались на трамваях; стали завсегдатаями сетевых кондитерских Der Mann & Ströck.

Когда Дэвид объявил нам о том, что мы двигаемся дальше, сильнее всего эта новость порадовала меня, так как Саманте было абсолютно всё равно, где именно будет находиться её шалаш с любимым. За прошедший месяц её характер потерпел кардинальный перелом – из сильной и независимой женщины она превратилась в любящую и заботящуюся девчонку. Я округлившимися глазами наблюдала за тем, как она добровольно порхает над плитой, складывает белье Дэвида или отдает своему любимому последнюю печенюшку. Но самое главное – она позволяла Дэвиду называть себя рыженькой! Дэвид не хотел называть свою возлюбленную “Сэм”, так как это звучало слишком по-мужски, поэтому называл её Самантой или рыженькой и она вполне нормально реагировала на второе обращение к своей персоне. Со стороны мне казалось, что либо моя подруга сошла с ума, либо просто переехала жить в другой мир.

Глава 16. Чехия. Прага

На сей раз Дэвид решил нас предупредить о переезде за сутки до срыва с места. Сделав генеральную уборку в салоне автомобиля, перестирав и пересушив все вещи, и забив холодильник едой, мы, наконец, отправились в путь.

Если выезжать из Вены по трассе Е-461, тогда до Праги можно добраться за четыре-пять часов, в зависимости от скорости и наличия пробок, но нам не повезло. Под Брно мы прокололи колесо и нам пришлось простоять три часа в ожидании, пока служба технической помощи к нам доберется и провозится с проблемным колесом. Непредвиденные расходы значительно ударили по нашему декабрьскому бюджету, что не могло нас порадовать.

В Праге мы были в шесть часов вечера, но, из-за коротких дневных часов и морозящего дождя, казалось, будто уже все восемь. В полпятого утра мой вечно молчавший мобильный (мой новый номер телефона знали только родители) начал трезвонить и сорвался с антресоли вниз в гостиную. Быстро спускаясь вниз, я сорвалась вслед за ним и буквально бухнулась рядом с телефоном, после чего села на свою пятую точку.

– Алло, – непонимающе произнесла я, судорожно сжимая мобильный в руке.

– Сегодня, десятого декабря, в четыре часа ты в третий раз стала тётей, – радостно прокричал мне в ухо отец.

– Что случилось?! – очутились передо мной взъерошенные Дэвид с Самантой, проснувшиеся от моего гулкого падения.

– Эмилия родила?! – на всякий случай уточнила у отца я, после чего услышала утвердительное “да” и громко сообщила рядом стоящим. – Эми родила!

Пару месяцев назад Эмметт узнал, что у него будет не ПРОДОЛЖАТЕЛЬ РОДА БЛАНКАР, а ВСЕГО ЛИШЬ девочка. Со слов мамы, новоиспеченный родитель был не в восторге от столь НЕОЖИДАННОГО поворота, но всех подробностей семейного счастья четы Бланкар мне не рассказывали, да я и не спрашивала.

– Джессика Изабель Бланкар, ростом в сорок пять сантиметров, весом в три килограмма и сто грамм! – восторженно произнес папа. – Ты бы её видела – девочка точная копия меня! Голубоглазая красотка...

Тем утром мы так и не смогли больше уснуть. Позавтракав, уже в семь часов мы отправились гулять по просыпающейся Праге. River Camping Prague – кемпинг, в котором мы остановились, находился всего в четырех километрах от Старого города Праги. Он буквально расположился в центре, в зеленой зоне на реке Влтавы. Здесь была отличная связь с центром города, до которого можно было добраться на трамвае или метро. В общем – отличное место.

Рождение племянницы мы отметили глинтвейном и трдлю*, после чего соревновались в быстром произношении слова “трдлошница”¹⁰.

За последующие пару недель Прага невольно стала у меня ассоциироваться с уличными артистами. Разношерстные музыканты, мимы и фокусники буквально наводнили Рождественскую Прагу. Самым крутым впечатлением от этого города оставил день, когда мы случайно зашли в один из многочисленных соборов этого города и попали на репетицию церковного хора. Мои перепонки дрожали от наслаждения, а моя душа выворачивалась от мысли о том, что грядущее Рождество я проведу не в том составе, в котором проводила прошлое. Сразу после этих мыслей на меня нахлынули воспоминания об Адвенте, который в прошлом году я также провела с братьями Олдриджами и семьей, и я поспешила покинуть сказочный собор, который буквально штормил мою ноющую душу.

¹⁰ Трдельник или трдло – традиционное лакомство, встречающееся в ряде стран центральной Европы.

Еще Прага запомнилась мне как столица марионеток и не только потому, что в каждой третьей лавке можно было купить куклу на ниточках, но и из-за своих знаменитых Пражских курантов. Средневековые башенные часы, установленные на южной стене башни Староместской ратуши, являются третьими по возрасту астрономическими часами в мире и старейшими, которые всё еще работают. Каждый день напротив Орлоя собираются сотни туристов, жаждущих понаблюдать за знаменитым шоу фигурок. Зрелище весьма впечатляющее.

* * *

В Сочельник Рождества мы созвонились с Британией, поздравили всех с праздником и отправились в величественный собор Святого Вита. Устроив вечером настоящий Рождественский ужин в нашем домике на колесах, было очень весело дарить Дэвиду подарки, которые мы купили ему за его же деньги. В итоге от меня он получил перчатки (свои он умудрился потерять за неделю до праздника), а от Сэм огромное пряничное сердце, которое он, впоследствии, умял в пару укусов. Мне же досталась милейшая марионетка от Сэм и чешский фарфор в виде огромной пивной кружки: “Спасибо, Дэвид, теперь я точно чувствую себя пьянчужкой”.

На следующий день после Рождества, несмотря на мороз, мы прогуляли до поздней ночи, буквально зависнув на Староместской площади с глинтвейном в руках, наблюдая за потрясающим световым шоу, а когда вернулись – обнаружили пропажу. Наши карманы в буквальном смысле обчистили. В сумме у нас украли два мобильных телефона, пятьдесят евро и последнюю жвачку Сэм. Конечно, мы обратились в полицию и конечно понимали, что пропажу вряд ли удастся отыскать. Хорошо еще, что Дэвид забыл свой телефон в машине, однако его сим-карта была заблокирована. Так созвон с домом снова временно оборвался (Дэвид обещал в скором времени разблокировать свою сим-карту, если мы ему напомним, но мы всё время забывали). Однако это было не страшно, так как во время отдыха в Дании мы не общались с домом на протяжении полутора месяца и домашние уже были привыкшими к нашей “не зоне доступа”.

Этой ночью я спала беспокойно. Да, у меня украли не просто телефон с брелком от Swarovski, а целый кусок памяти. По сути, этот подарок я получила ровно год назад от... Важных мне людей. Вот только я не могла заснуть по другой, непонятной мне причине. Возможно, из-за потери телефона я вдруг остро почувствовала какую-то “оборванную связь”, вот только не могла уловить, что именно это была за связь.

Глава 17. Польша. Вроцлав – Варшава

И хотя Рождественская Прага была ожившей сказкой, мы всё равно не могли устоять на одном месте дольше одного месяца. Десятого января мы отправились в Польшу, решив разделить её на два города – Вроцлав и Варшаву. До Вроцлава через Либерец было всего пять часов езды, а так как нам было не привыкать к подобным переездам, дорога выдалась весьма спокойной.

Вроцлав – первый город, не являющийся столицей (если не учитывать того факта, что он является столицей Силезии, исторической области в Центральной Европе), который мне так сильно понравился. Мы задержались в нем на целых две недели, буквально утонув в его колорите: костёл святой Эльжбеты, дома Яси и Малгоси, Ратуша, дома Старого города и знаменитые Вроцлавские гномы – это не просто перечисление достопримечательностей – это настоящая, ожившая сказка. Тумский же остров – это отдельная серенада, под которую был выделен отдельный день моей жизни. Мы бродили по его мостам, ботаническому саду и прочим паркам изумительной, покрытой снегом красоты, побывали на ночной экскурсии в зоопарке, посетили национальный музей и рассмотрели в деталях Рацлавицкую панораму. Когда же на вечернюю улицу острова вышел настоящий фонарщик, чтобы зажечь газовые, а не электрические уличные фонари, я словно растворилась в сказке Андерсена.

Несколько ночей подряд мы посещали самый большой поющий фонтан в Европе, который в зимний период использовался в качестве катка. На морозе мне безумно хотелось горячего глинтвейна, но после Нового года Сэм наотрез отказалась от алкоголя из-за того, что в праздничную ночь перебрала и отключилась еще до полуночи. Дэвид поддерживал столь благородный порыв своей “рыженькой”, поэтому я тоже отказывалась от согревающего напитка, который в этот сезон продавался на каждом шагу.

* * *

До Варшавы, огибая Лодзь, мы доехали за четыре часа. Если честно, я смутно помню первые два дня пребывания в Варшаве и все его музеи, замки и дворцы, которые мы оббежали за мгновения ока, так как третий день затмил всё.

Двадцать седьмое число наступило так неожиданно, что я даже забыла о его значении. Поэтому, когда я вернулась в наш дом после покупки вкуснейших пирожных, и на меня посыпалось конфетти сразу из трех хлопушек (что здесь делает Тайлер Купер?!), я на мгновение потеряла дар речи. Оказалось, что я впервые в жизни забыла о собственном дне рождения, хотя прежде была уверена в том, что такое в принципе невозможно – чтобы человек забывал о подобном, не достигнув минимум седьмого десятка жизни. Дэвид и Сэм в тайне от меня организовали праздничное пиршество в честь моего появления на этой планете, совершенно секретно пригласив на него Тайлера. Оказалось, что к зиме Тайлер всё-таки решился продать квартиру в Эрфурте и сейчас временно жил с родителями в Варшаве. Однако парень не был в восторге от нового места жительства, поэтому в ближайшем будущем он хотел куда-нибудь переехать, вот только еще не определился куда именно.

Так уж получилось, что Дэвид и Саманта отпраздновали мой день рождения куда более ярко, нежели я. Со слов Сэм я поняла, что они организовали “незабываемый” романтический ужин с “незабываемым” продолжением, в то время как я гуляла по замерзшим Лазенкам¹¹ и слушала действительно увлекательную историю переезда Тайлера из Германии в Польшу.

¹¹ Крупнейший парк в Варшаве, занимающий 76 гектаров в центре города.

* * *

Если поначалу общение с Тайлером всем приносило одно удовольствие (парень неплохо ориентировался в городе и знал много тайных лазеек, благодаря которым мы экономили кругленькую сумму денег), то к началу февраля он начал поднадоедать конкретно мне. Всё-таки каждый день видеть человека, который не является твоим родственником или лучшим другом, бывает вредно – начинаешь замечать его недостатки, вроде гипербобщительности или гипервнимания по отношению конкретно к твоей персоне. Поэтому, не то, чтобы я была рада тому, что Сэм заболела, но я была довольна тем, что у меня есть действительно веская причина не пойти с Тайлером в театр на День святого Валентина, чего рыжеволосая определенно не понимала. Накануне, во время ужина, Саманта отравилась местным мясным пирогом, который по факту являлся обыкновенными варениками. Если честно, от одного вида этого пирога даже меня подташнивало, но я поначалу списывала это на то, что слегка переела, пока Сэм поутру не начало выворачивать наружу (хорошо, что она успела добежать до туалета прежде, чем выплюнула всё это дело на кровать). Я с облегчением думала о том, что мы с Дэвидом, в отличие от Саманты, съели в два раза меньше этого “чуда”, тем самым избежав подобных последствий. И, если честно – эти последствия были ужасны. Я еще никогда не видела рыжеволосую в подобном состоянии. Поначалу даже казалось, будто её вообще никогда не отпустит. Следующие же сутки после отравления Сэм буквально ничего не могла есть, периодически извергая из себя остатки пищи. Тринадцатого ей вроде как полегчало, и Дэвид решил организовать для любимой незабываемый день всех влюбленных, поэтому на целый день ретировался в неизвестном направлении, прихватив с собой своё портмоне. Мы же с Самантой пообещали ему не скучать во время посещения дворца Острожских, деньги на которое Дэвид оставил на столе в гостиной.

Мы уже направлялись по запланированному маршруту, как вдруг Сэм решила зайти в аптеку и купить себе лекарство от обезвоживания. Отдав ей деньги, я попросила рыжеволосую не тратиться на что-то дорогостоящее, так как нам могло не хватить буквально нескольких копеек на билеты во дворец, после чего я осталась у входа в аптеку, залюбовавшись выступлением уличного мима.

Сэм вышла из аптеки бледная, словно мел, поэтому я не начала протестовать, когда она вдруг изъявила желание вернуться домой. В конце концов, дворец Острожских за сутки никуда бы не делся и позже его можно будет посмотреть вместе с Дэвидом в любой другой день, а вот состояние моей тетки меня действительно напрягало.

Придя домой, я проводила Сэм взглядом до спальни, после чего отправилась переодеваться. Напялив на себя черную футболку и просторные штаны, я, стоя на кухне, пила клубничный компот, когда Сэм вышла из туалета с потеряннм видом и побелевшим лицом. Из-за мысли о том, что у нее снова началось обострение, я даже не заметила того, что она держала в руках.

– Ты чего? – испуганно спросила я, отставляя стакан с недопитым компотом на раковину.

– Я беременна.

– Что?! – от сильных эмоций сорвалась на шепот я, переведя взгляд на руки рыжей.

– Я беременна, – повторила она, протянув мне тест на беременность. Сначала я смотрела на две полоски ошарашенным взглядом, после взяла тест из рук напарницы и начала его вращать в руках, словно из-за преломления света одна из полосок могла бы вдруг испариться.

– Ты уверена? – с подозрением спросила я, исподлобья посмотрев на Саманту.

– У меня задержка в пять дней, – упершись руками в бока, как часто делала я во время сильных переживаний, ответила Сэм.

– Так... – только и смогла выдавить я, после чего продолжила. – Что нам делать? Я имею в виду... Тест ведь может ошибаться и задержка может быть ложной. Как нам проверить наверняка? Купим еще один тест?

И снова именно Сэм должна была знать, что делать в затруднительной ситуации, хотя именно здесь и сейчас, именно я должна была трезво мыслить. Но трезво мыслить в данной ситуации у нас вообще не получалось. Нас обоих буквально штормило – и я и Саманта одновременно впали в нервную дрожь.

Уже через два часа я сидела в коридоре какого-то медицинского центра и благодарила удачу за то, что одна из заранее забронировавших время женщин не пришла на прием к гинекологу, и мы чудесным образом попали в форточку, буквально вырвав свободное место в регистратуре. Сэм не было так долго, что я начинала серьезно переживать и уже хотела заглянуть в кабинет, в котором она зависла, когда она вдруг возникла передо мной.

Мы ни слова не проронили, пока не очутились в небольшой кафешке через дорогу, в которой заказали по чашке кардамонового чая.

– Ну что? – сделав глубокий вдох, наконец, спросила я.

– Поздравляю. У тебя будет двоюродный брат или сестра – смотря как карта выпадет.

На меня вдруг нахлынуло смутное чувство радости – прежде у меня и надежды не было на обретение брата или сестры, хотя бы двоюродного, так как у меня не было дядь или тетей, за исключением Саманты, которая еще минимум одно десятилетие планировала гулять по свету, после чего, наверное, усыновила бы какого-нибудь подкидыша вроде себя. Смутным же моё счастье было потому, что на нем лежала неопределенность – что будут делать родители ребенка?

– Поздравляю, ты станешь мамой, – хмыкнула я и Сэм вдруг неожиданно, и как-то сконфуженно улыбнулась. – Ты ведь хочешь этого ребенка, правда? – с надеждой добавила я.

– Конечно хочу, – не задумываясь ответила рыжеволосая, отчего с моих плеч, словно гора начала скатываться, пока она вдруг не добавила. – Вот только...

– Что?.. Что “вот только”? – с замиранием спросила я.

– Пффф... Я не планировала. Хотя уже давно пора бы – в конце концов, мне тридцать девять.

– Главное, что ты хочешь этого ребенка, – напряженно улыбнулась я, как бы пытаюсь заставить рыжую не забывать об этом.

– Да, конечно, – повторилась она.

– Тогда в чем проблема?

– Дэвид.

– Что, Дэвид? Он тебе не нравится? В смысле, в качестве отца твоего ребенка и мужа в целом.

– Нравится, вот только... Блин, он ведь совсем как я! Мы оба хотим путешествовать, мы буквально живем одним днем и вдруг появляемся в жизни друг друга, делаем ребенка и... Теперь предстоит думать о будущем, понимаешь? Я ведь никогда не думала о будущем. Мой максимум – спланировать свою жизнь на ближайший месяц – всё! Ведь ребенок – это не на месяц – это на всю жизнь! Я не знаю... Мне впервые в жизни страшно за своё будущее... За наше. Вдруг я не справлюсь?

– С тобой будет Дэвид, – поджала губы я и, сразу же словив на себе многозначительный взгляд Саманты, внезапно поняла ход её мыслей. – Да брось! Он по-любому будет с тобой. Ты видела, как этот чувак смотрит на тебя? Вот кто-кто, а он тебя точно слопать готов от всепоглощающего чувства любви.

– Я не собираюсь его принуждать.

– Более чем уверена в том, что никто никого принуждать не будет и вообще... Когда вы успели сделать ребенка?

– На твой день рождения. Когда ты из солидарности решила оставить нас и отправилась с Тайлером в парк. Романтический ужин, свечи и, в итоге, подозрение на порванный презерватив... Хорошо, что я отказалась от алкоголя после Нового года! – вдруг воскликнула Сэм.

– Вот уж не думала, что празднование моего дня рождения может организовать дополнительный день рождения в году, – призналась я, задумавшись о том, что даже предположить не могла, что празднование моего дня рождения этой парочкой кардинально изменит всё наше путешествие. Да что там путешествие – всю жизнь.

Глава 18. И что дальше?

Дэвид вернулся домой сияющим, словно звезда на небе. Он явно что-то замутил в честь предстоящего праздника влюбленных, даже не подозревая о сюрпризе, который ему “случайно” приготовила его возлюбленная. Определенно решив, что она точно что-то замышляет, Дэвид не сопротивлялся по поводу желания Сэм поспать эту ночь со мной. В итоге мы полночи пролежали без сна, вглядываясь в панорамное окно над головой.

– Он что-то тебе готовит, – поджала губы я. – Наверняка потратил свою заначку.

– Интересно, как он отреагирует на новость о том, что я собираюсь от него родить?

Этот вопрос повис в пространстве. Каким бы Дэвид не казался нам милым, заботливым и ответственным, мы всё равно все прошедшие сутки смотрели на него косо. Такова жестокая статистика – большинство мужчин, чьи женщины залетели в добрачный период, тем более в самом начале отношений, отрекаются и от ребенка, и от его матери. В любом случае, как бы Дэвид не отреагировал, наше будущее было настолько смутным, что вопрос о том, что же будет дальше, колот мою душу изнутри. Мы весь день просидели в машине стараясь скрыть от Дэвида чрезмерную тошноту Сэм. Температура воздуха снаружи упала до минус двадцати, так что Саманта, с головой закутавшаяся в плед и весь день проспавшая в спальне, не вызвала у Дэвида никакого подозрения. Хотя он всё же пару раз приходил к ней в спальню, чтобы полежать с ней рядом – о чем они разговаривали, я не имела ни малейшего представления, но так как Дэвид был в предвкушении организованного им вечера, он совершенно не замечал изменений в поведении Саманты. *Мужчины слепы, когда счастливы, но я не говорю, что это плохо.*

Они отправились на заранее организованное Дэвидом свидание ровно в восемь часов вечера, и следующие три часа я нервно листала изученный плейлист своего MP-3, стараясь не думать о том, что именно может произойти, ведь Сэм собралась рассказать ему о своей беременности именно сегодня вечером.

Когда они вернулись, я мгновенно прыгнула со своей антресоли, буквально застыв перед вошедшей парой.

– Ну что?! – выпалила я, не в состоянии правильно трактовать выражения лиц этих двоих (по-моему, Сэм довольно улыбалась).

– Всё как я и хотел, – торжественно заулыбался Дэвид.

– Хвала небесам! – облегченно выдохнула я. – Подожди, в смысле, всё как ты и хотел? Ты что, специально сделал Саманте ребенка?

– Какого ребенка? Рыженькая, ты беременна?! – спустя пару секунд ошарашенно выкрикнул свой второй вопрос Дэвид, глаза которого внезапно полезли на лоб, а челюсть буквально упала на пол.

– Я тебе разве не сказала? – сконфуженно спросила Сэм.

– Нет блин!

– Выходит я забыла...

– Что?! – ошарашенно выпалила уже я. – Как?! Как ты могла забыть ему сказать?!

– Просто он сделал мне предложение, и я согласилась, – начала переживать Сэм, буквально срываясь на слезы, потекшие невпопад. – А-а-а, это гормоны... Мне говорила врач о перепаде настроения...

– Подожди, ты уже была у врача?! – всё еще не мог прийти в себя Дэвид.

– Сегодня.

– То есть ты беременна на сто процентов?! – еще раз поинтересовался ошеломленный Дэвид, заставляя меня задуматься над тем, можно ли быть беременной не на сто, а, например, на тридцать три или семьдесят пять процентов. В ответ Сэм лишь закивала головой, нервно сглатывая слезы со щек.

– Чего ты плачешь? – вдруг как-то слишком интимно-нежно произнес Дэвид, притянув и прижав к себе Саманту, отчего мне стало даже неловко – словно я только что увидела их маленький мирок изнутри.

– Ты ведь так хотел путешествовать...

– Ребенка от тебя я всегда хотел больше, чем путешествовать.

После услышанного я чуть не разлетелась на лоскутки от умиления.

* * *

Пока Дэвид решал, каким именно образом попасть обратно в Британию с автодомом (паромная переправа или всё-таки Ла-Манш), я искала дешевые авиабилеты Варшава-Сидней, сидя на мягкой кровати в отеле. Не смотря на то, что Саманта должна была родить в конце октября, свадьбу парочка запланировала на третье сентября. До родов “рыженькая” хотела жить рядом со своей семьей, желательно в одном городе (что я считала относительным счастьем, с такой-то семейкой) и Дэвид был не против. Вообще после того, как он вошел в статус будущего отца семейства, он редко был против желаний Сэм, стараясь сделать всё возможное для того, чтобы её тошнило хотя бы на пару процентов меньше. Он буквально чувствовал себя виноватым в том, что его невеста постоянно корчится над унитазом и морщится при виде любой пищи. С этим я была солидарна – где виноват, там виноват. Ни дать, ни взять. Что есть, того не отнять. Где посеешь, там пожнешь. В общем, чувак, как работал, так и заработал. В итоге, на следующий день после того, как Дэвид узнал о беременности Саманты, он снял номер в четырехзвездочном отеле, пытаясь предоставить своей “сокровищнице” лучшую версию унитаза для её рвотных позывов, и начал искать отходные пути на родину, даже не желая рассматривать варианты, в которых его беременное “чудо” может продолжать кататься по Европе с растущим животом. Я же точно не желала вот так вот резко оказаться в родном городишке, приравнивая столь резкий маневр моего тела в сторону Британии к суицидальной вспышке.

* * *

– Не думал, что вы так быстро покинете Варшаву, – тяжело выдохнул Тайлер, сидя напротив меня в небольшой кафешке.

– Да ладно ты – Дэвид вообще не предполагал, что в ближайшем будущем сменит свою кочующую жизнь на памперсы и бессонные ночи.

– И когда ты назад домой?

– Думаю, в конце марта.

Не знаю почему, но я отказывалась признавать тот факт, что навязчивость Тайлера по отношению ко мне была хоть как-то связана с каким-то большим чувством, нежели банальное желание пообщаться. Даже не смотря на то, что он явно был расстроен моим отъездом.

Глава 19. Австралия. Встреча

Билет до Сиднея с пересадкой в Дохе стоил так дорого, что я жмурилась, чтобы не видеть точной цифры. Судя по всему, Рик за прошедший год разбогател, раз согласился полностью оплатить мой перелет, без права возмещения средств. Я была согласна с подобным раскладом, так как другого варианта у меня попросту не было – отныне я состояла в статусе бедного родственника, который временно живет в долг у родни.

Двадцать пять часов жизни на перелет! Сутки, плюс один час. Абсолютный рекорд по прослушиванию поп-рок групп в моей жизни. Мне даже вдруг показалось, будто всё моё существование сосредоточено у маленького окошечка, за которым клубились кучевые облака. Я пару раз поела, пару раз поспала и пару раз сходила в туалет, прежде чем зависший в небе самолет, наконец, опустился на австралийскую землю. Хорошо, что я переоделась еще в аэропорту Дохи, потому что мой некрепкий организм буквально перекочевал из зимы в лето, перепрыгнув из минус девятнадцати на плюс двадцать три градуса по Цельсию. Из-за того, что моя более-менее нормальная одежда, которую я приобрела во время шопинга с Сэм в Вене, была не в самом лучшем состоянии, мне пришлось надеть то, что завалилось в моем чемодане со времен моего пребывания в Британии – на мне висели старые джинсы, подвязанные рваным ремнем, и болталась потертая футболка, которая, по идее, должна была обтягивать мою фигуру, но, увы, обтягивать было нечего. В общем, я снова выглядела как вешалка, прикрытая черной бейсболкой и солнцезащитными очками шерифа.

В аэропорту меня уже ждали Рик и Тэмми. Я заметила их сразу и уже издалека поняла, что за прошедший год они сильно изменились – избавились от сутулости, загорели и много улыбались, чем прежде зачастую предпочитали пренебрегать. Только подойдя к ним впритык, я вдруг поняла, что они не обращали на меня абсолютно никакого внимания, всё еще продолжая искать меня среди кучки остальных пассажиров.

– Тэмми? – улыбнулась я, встав сбоку от сестры. Она посмотрела на меня в упор, но узнала лишь после того, как я сняла очки.

– Глория! – скорее ошарашенно, нежели радостно прокричала сестра, и я удивилась тому, что она не сдерживала своих эмоций – раньше моя младшая сестра лишний писк издать боялась. – Рик, это Глория!

Пока Рик смотрел на меня изумленным взглядом, Тэмми крепко обняла меня. Похоже, моя сестра сильно изменилась за прошедшее время – она даже обнималась теперь крепче чем я.

– Глория? С тобой всё в порядке? – осторожно поинтересовался Рик, пожимая мне руку.

– Да, а что? – непонимающе спросила я, пытаюсь прочесть значение взглядов этой парочки.

– Ты просто... – начала Тэмми, но осеклась, внезапно поджав губы, после чего напрямую выпалила. – Выглядишь ужасно.

– Зато ты выглядишь замечательно, – улыбнулась я вдруг поняв, что и вправду на фоне Тэмми выгляжу едва ли не бездомным подростком. Тэмми стояла передо мной в белоснежном коротком платье (раньше она не носила платьев, длина которых была короче уровня колен), плетеных сандалиях и беленькой соломенной панамке. Я же выглядела так, словно только что кубарем скатилась с Альп, но всё же осталась жива.

Во время переезда из Британии Рик продал свою прежнюю машину, хотя той было чуть больше года от роду, но сейчас уже являлся обладателем шикарного пикапа GMC Sierra, стоимость которого была неприлично высокой. Закинув чемодан в прицеп, я села на переднее сиденье, так как Тэмми не оставила мне вариантов. Всю дорогу Рик настороженно на меня смотрел боковым зрением, словно я была неизлечимо больной, и он опасался, что не успеет довезти меня до пункта назначения, пока Тэмми весело болтала на заднем сиденье о каких-то

мелочах вроде новых платьев. Я удивлялась тому, какая сильная перемена произошла с нами за прошедший год – из тихой мышки Тэмми превратилась в веселую болтушку, в то время как я растеряла остатки своей пресловутой бодрости и ужала диапазон общительности до размеров собственного внутреннего мира.

Семейство Белл жило в пределах часа езды от Сиднея (даже меньше – я не засекала времени), в провинциальном городке, который в большинстве своем состоял из частного сектора, с населением приблизительно около пятнадцати тысяч человек. Откровенно говоря, я ожидала увидеть небольшой домик, отделанный скромным сайдингом, с неприязательными клумбами перед крыльцом, а никак не двухэтажный особняк в белоснежной штукатурке, с огромным задним двором и пышно цветущим палисадником. На первом этаже дома расположился просторный, совмещенный санузел, комната для гостей и огромная гостиная, совмещенная с просторной кухней и столовой. Из гостиной, через панорамную стену, был выход на широкую, деревянную террасу, на которой слева расположилась мебель из ротанга (трехместная скамейка, тройка кресел и застекленный стол), а справа были установлены две качели из того же материала – одна двухместная и одна одноместная. Сразу за террасой начинался просторный газон, в конце которого справа располагалось огромное ореховое дерево с раскидистыми ветвями. На самой широкой его ветке были подвешены качели в виде плетеного кресла (по-видимому Рик просек любовь Тэмми ко всему качающемуся, в частности к качелям). Сразу перед ореховым деревом была установлена небольшая беседка, подле которой стоял декоративный мангал для шашлыков, увитый стальными розами.

Оказалось, что в доме есть хорошо оборудованный подвал под винное хранилище, рядом с которым располагался кабинет с личной библиотекой Рика, где он работал по выходным. Второй этаж особняка представлял из себя четыре комнаты и отдельный санузел. Первая комната была шикарно обставленной спальней хозяев дома, две комнаты пустовали (по-видимому, планировались в будущем под детские спальни) и еще одна была настоящей галереей. Сначала я даже не поняла, зачем они потратили столько денег на картины, большинство из которых представляло пейзажи или животный мир, но потом Тэмми развела руками, прокрутилась вокруг своей оси и торжественно произнесла:

– Вот, это всё мои работы.

Я знала о том, что Тэмми отлично рисует, в самом начале её отношений с Риком папа даже хвалил её талант потенциальному жениху, но я никогда даже не предполагала, что она настолько талантлива.

– Так как я домохозяйка без детей, за исключением самого Рика, у меня куча времени на самосовершенствование. Уже год я посещаю художественную школу и вот они – мои плоды.

Сидя на полу, я час рассматривала наброски сестры, её лучшие и худшие работы, наблюдая за тем, как она порхает по комнате, огибая огромный мольберт, стоящий в шаге передо мной. Внезапно у меня появилось странное ощущение – словно мы с ней поменялись местами. Теперь она жила полноценной жизнью, только еще более счастливой, нежели когда-либо была у меня, а я стала забитой, серой мышкой, которая только и делает, что бежит по всему миру от своей боли и по ночам пищит в подушку от раздражающей её боли.

* * *

Вечером Рик устроил шашлыки. В последний раз я была на шашлыках на первом курсе университета, когда вся наша группа собралась праздновать победу в конкурсе “Самая продвинутые студенты терапевтического факультета”, поэтому сейчас я была рада насладиться отлично прожаренной бараниной.

– В Австралии летние месяцы выпадают с декабря по февраль, – улыбаясь, говорила Тэмми. – Так что ты попала в самый пик. Днем здесь бывает до двадцати семи градусов... Ой,

я сейчас принесу фотоальбом! – вдруг хлопнула в ладоши Тэмми, после чего ретировалась в дом, оставив нас с Риком наедине.

– В Европе сейчас минусовая температура, – решила продолжить начатую Тэмми тему я.

– Значит, ты весь год путешествовала.

– Не год. Десять месяцев.

– Помогло?

Я застыла со стаканом воды в руках.

– Нет, – наконец, глухо выдавила я. – Но это приглушает...

– Его похоронили на Кенсал-Грин, рядом с родителями.

– Я не знала, – призналась я, отставив стакан, после чего уставилась на свои руки.

– Тебе необходимо двигаться дальше.

– Я двигаюсь, – ответила я, но встретившись взглядом с Риком, призналась. – Пытаюсь.

– Десять месяцев жизни на попытки... Что будешь делать после? Попытаешься восстановиться в университете?

– Нет, – тяжело выдохнула я.

– Послушай, мы ведь друзья. Даже родственники. Если ты вдруг захочешь осесть в Австралии, я всё организую. У тебя будет отличное рабочее место и место жительства. Ты даже сможешь жить у нас.

– Нет, Рик, спасибо. Твоё предложение для меня как глоток чистого воздуха, честно, но я откажусь. Не знаю почему... Наверное не сейчас. Возможно позже, но не сейчас.

– Глория, мы были с тобой в этой лодке с самого начала и ты сестра Тэмми. Без твоей помощи я не смог бы подобраться к ней вплотную. Считай, что я твой пожизненный должник. Одно твоё слово – и все твои проблемы решены.

– Жаль, что не все, – поджала губы я, интуитивно попытавшись улыбнуться собеседнику, но комок боли застрял у меня где-то в горле, заставив меня лишь судорожно выдохнуть.

Глава 20. Австралия. Откровенные разговоры

– Ты так похудела, что Рик всерьез сначала подумал, будто ты заболела чем-то серьезным, – оборвала мои немые мысли Тэмми. После ужина, когда Рик отправился в свой кабинет, а Тэмми расставляла грязную посуду в посудомоечную машинку, я застыла в гостиной, глядя на золотой ключ, прислоненный к южной стене, который Олдридж подарил паре на свадьбу.

– Вы храните два килограмма чистого золота вот так просто среди гостиной? – поинтересовалась я у подошедшей ко мне сестры.

– Нет, просто Рик решил перенести его из нашей спальни в подвал, но в этот момент ему позвонили, и он так его и не донес, – задорно засмеялась Тэмми. – Кстати, он уехал от нас две недели назад.

– Кто? – оторвав взгляд от ключа, поинтересовалась я, явно потеряв нить разговора, после чего последовала за Тэмми на террасу.

– Роланд, – невозмутимо ответила сестра, присев на одну из качелей.

– Олдридж был здесь?! – искренне удивилась я, сев на вторые качели. Почему-то представлять Роланда Олдриджа в этом доме, сидящим в беседке или крутящим шампуры на мангале, было чем-то из области фантастики.

– Да, он ведь лучший друг Рика.

– Точно. Ясно, – только и смогла поджать губы я.

– Ты хотела сказать: “И как он?”.

– Тэмми, ты сильно изменилась.

– Я знаю, – как-то грустно и одновременно с тенью радости улыбнулась сестра. – Понимаешь, другая жизнь, на другом континенте. Никто здесь не знает прошлую меня и моё темное прошлое. Я здесь словно освобожденная от оков птица. У меня есть муж, хобби, друзья... Кстати, у нас много друзей. Ты когда-нибудь думала о том, что у меня может быть хотя бы один друг? В этом городе живут замечательные люди, мы часто устраиваем пикники и вечерние посиделки, ходим на дни рождения и организовываем выездные уик-энды. Я чувствую себя полноценным человеком, с чистым полотном внутри себя, которое вставил в мою душу Рик и которое мне разрешено раскрасить в самые яркие цвета. Я дышу полной грудью, но мы сейчас не обо мне...

– Я в порядке, – улыбнулась я, однако у меня это получилось как-то кривовато-вяло, если и вовсе не грустно.

– Нет, Глория, ты не в порядке. В порядке я с Риком, Эмметт с Эмилией, но не ты и не Роланд. Ты ведь не присутствовала на похоронах... Роланд тогда ушел в запой и был рад тому, что ты не пришла. Через пару дней после того, как ты уехала, он приходил к тебе, но ты уже была за границей. Родители тогда еще не знали, куда именно Сэм тебя увезла. Собственно это они ему и сказали. Через пару дней он тоже уехал из города, попросив сообщить ему о твоём возвращении. Родители приняли решение не рассказывать тебе об этом. Наверное, не хотели сыпать соль на рану, единолично решив, что тебе на тот момент было незачем терзать рану, а потом уже было поздно... Он пробыл у нас пять дней и уехал буквально две недели назад. Я хотела с тобой связаться, но твой телефон был недоступен, как и телефон Сэм. Мы думали, что вы снова на каком-нибудь пляже, лишенном электричества, как это было с Данией.

– Нас обчистили в Праге. Украла телефоны. С домом уже полтора месяца не связывалась.

– Мы не сомневались в том, что у вас безвыходная ситуация.

– Кто это “вы”?

– Родители и я.

– Они сильно переживали? Нужно им позвонить...

– Погоди, давай позже...

– Хорошо, – откинулась обратно на качели я, машинально пытаюсь понять, почему она меня остановила, но вдруг мои мысли снова перешли не в то русло. – И как он?

– Роланд? Постоянно хмурый или отстраненный, почти никогда не улыбается, а когда на его лицо и падает луч улыбки, тогда он обязательно какой-то... Грустный, что ли. Раньше он был постоянно выбритым, сейчас же за пять дней побрился всего раз – со щетиной он совершенно другой человек. С головой ушел в работу, за последние полгода удвоил своё состояние. У него либо нет свободного времени, либо он тратит его на тренировки. От занятия спортом стал немного крупнее, но ему идут лишние мышцы. Кажется, сейчас он в Дубае.

Я закрыла глаза, мысленно создав перед собой образ нового Роланда Олдриджа. Выглядит вполне неплохо, вот только серые глаза опустошенно смотрят сквозь меня, совершенно не замечая.

– В общем, хотя его изнутри разрывает боль, внешне он выглядит куда лучше, чем ты. Ощущение, будто *он делает качественные швы на своем сердце, в то время как ты не можешь подобрать нужных ниток*. Ты словно загибаешься...

– Зачем он приезжал? – сдвинув брови, задала интересующий меня вопрос я, тем самым отводя тему от моего состояния.

– Просто приехал в качестве лучшего друга Рика, а в итоге предложил ему выгодную сделку с одной ИТ-организацией в Америке. Ведь этот дом стоил семьсот тысяч долларов.

– Сколько?!

– Вот так вот, сестренка. Я сама была в шоке, ведь думала, что выхожу замуж за бедного учителя, совершенно не подозревая о том, что он является успешным фрилансером. Он написал программу, пользование которой он предоставляет разношерстным ИТ-компаниям, которые, в свою очередь, выплачивают ему баснословные деньги. Смысл заключается в том, что Рик продает не саму программу, а пользование ей, но ведь пользование невозможно без технической поддержки, которой он и занимается.

– Даже знать не хочу, сколько он зарабатывает.

– Дом, машина, мебель... В следующем полугодии мы собираемся отправиться на отдых в Китай.

– Представить не могла, что у тебя настолько всё хорошо, – довольно улыбнулась я.

– А я не могла представить, что у тебя настолько всё плохо, – печально выдохнула Тэмми. – Почему ты заранее не предупредила о своем приезде?

– Я приняла это решение совершенно случайно, после чего еще сутки пыталась связаться с тобой.

– С чем связано твоё решение? Что-то произошло? – настороженно придвинулась ко мне Тэмми.

– Да, произошло. Сэм влюбилась, собирается замуж и уже беременна.

– Что?! – Тэмми вспыхнула от удивления, смешанного со счастьем. Весь оставшийся вечер мы проговорили о моем путешествии и отношениях Саманты с загадочным Дэвидом.

Глава 21. Австралия. Шок

На следующий день мы отправились на пляж, расположенный в десяти минутах езды от города и я в очередной раз убедилась в том, что Тэмми обрела новую, счастливую, полноценную жизнь. Оказывается, полгода назад моя младшая сестра выучилась на водительские права и уже вполне уверенно смотрелась за рулем шикарного пикапа. Рик, пообещав нам вкусный ужин, остался дома, так как ему нужно было решить несколько рабочих моментов. Мой потрепанный, старый купальник выглядел скромной тряпкой на фоне белоснежного бикини Тэмми, но глядя на подобный контраст я еще сильнее радовалась сложившейся жизни сестры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.